

Hollow Moon

Алексей Беркутов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Беркутов
Hollow Moon. Том I

«Автор»

2026

Беркутов А.

Hollow Moon. Том I / А. Беркутов — «Автор», 2026

«Я — твоя самая жизнеспособная часть!» Артур Комаров смотрит фильм. На экране — его уходящая жизнь. Зал пустой. 2009 год. Сентябрь горит. Ему семнадцать. За плечами — психиатрическая клиника, шрамы под ремешком часов и голос в голове, который не собирается затыкаться. Лицей-интернат «Вершина». Звучит красиво, на деле — кровь, грязь, интриги и безумие. Пока дети богатых живут в коттеджах у озера, остальные заваривают лапшу в общежитии. Артур назвал голос Гоном. Он циничен, расчётлив и наблюдателен. Без таблеток Гон не спит — а без него здесь не выжить. Рита Карпова — решительная сильная девушка, готовая порвать любого, кто тронет Артура. Но так ли она сурова, как выглядит? Вместе им предстоит разобраться, что именно случилось год назад и помочь травмированной девушке исполнить мечту. В книге два эпизода. В первом Артур — зритель, во втором — режиссёр. И Гон поможет ему понять, кто какую роль играет в этом спектакле.

© Беркутов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Беркутов

Hollow Moon. Том I

Эпизод
I

Глава 1. Валькирия

Жизнь стремительно покидала тело.

Вязкая, густая как нефть тьма обволакивала, лишая воздуха. Сердце уже не билось. Артур падал в пустоту.

Мутные обломки реальности медленно проплывали мимо. Что-то похожее на бесконечную белую ленту, завёрнутую в спираль, оказалось клавишами рояля. Стеклообразные осколки очков сталкивались, рассыпаясь звёздами. Жалобно стонали лопающиеся струны.

Падение рывком оборвалось. Артур упал в кресло зрительного зала. Уходящее во тьму бесконечное пространство скукожилось как резина, притянув сцену, скрытую тяжёлым бархатным занавесом.

Ткань с шорохом поползла в стороны. Но вместо привычного белого киноэкрана перед ним возник огромный пузатый телевизор. Экран рябил помехами, бросая лунный свет.

– Уютно, правда? – раздался знакомый ехидный голос.

Артур повернул голову. В соседнем кресле сидел...

Двойник. Он вальяжно закинул ноги на спинку переднего сиденья и вместо попкорна жрал вырванные человеческие зубы. На носу криво сидели картонные, стереоскопические, с красной и синей плёнкой вместо линз.

– Гон? – с дрожью выдавил Артур.

Его собственный голос звучал глухо, как из-под воды.

– Ты ждал кого-то другого? – собеседник хрустнул зубом-попкорном. – Видишь, титры идут? Фильм называется «Бесславный конец одного идиота». Спойлер: главный герой откиснет.

Артур посмотрел на стеклянный экран. Сквозь рябь действительно были видны строчки с именами:

В фильме снимались:

Яна Королёва.....в роли Трепанатора;

Екатерина Котёночкина.....в роли Искусительницы;

Маргарита Карпова.....в роли Валькирии;

Софья Гольдштейн.....в роли Падшего ангела;

Максим Козлов.....в неожиданной роли;

Твои дружки.....в роли Тех, кто тебя кинул;

Любовь Карпова.....в роли Единственной, кто делает что-то полезное.

А потом проплыли слова: «Памяти Артура Комарова».

И возникла весёлая надпись: **the END**. Буквы исказились в кровавое **DEATH**.

– Я... умираю?

Артур посмотрел на руки. На них было по шесть пальцев. Часы на запястье шли в обратную сторону, а вместо цифр на табло – буквы.

– Не лести себе! – язвительно ответил Гон. – Чтобы умереть – надо сначала пожить. А ты просто сдохнешь. И никто даже не заметит!

– Я хочу спать, – прошептал Артур, закрывая глаза.

Рёбра будто ритмично сдавливали прессом. Откуда-то подул свежий ветерок.

– **Спать?!** – Голос эхом отразился от стен. – Ты рехнулся?! *Здесь* нельзя спать!

Гон резко встал и отвесил ему смачную пощёчину. Зубной попкорн со стуком рассыпался по полу. Достав пульт от телевизора, двойник нажал на кнопку. Изображение замелькало, показывая увиденные ранее образы. Удар ножа... Репетиция... Кабинет психолога... Мотоцикл... Две фигуры под луной... Выступление с гитарой... Черноволосая девушка играет на рояле... Общежитие... Медпункт... Драка в коридоре... Туалет... Стоп.

– Давай с самого начала! – произнёс Голос. – Посмотрим, как мы с тобой снова встретились после долгой разлуки!

На экране застыли наручные часы. Их подарил отец на седьмой день рождения. Если бы он тогда знал, что это был...

Его последний подарок. Цифровые Casio в массивном титановом корпусе продолжали отсчитывать секунды. Артур скосил глаза на дату: 11 сентября 2009. Ещё ходят. Потом поднял взгляд.

В треснутом зеркале отражался худощавый бледный парень. Если бы не серые глаза за стёклами очков в тонкой проволочной оправе – он напоминал бы манекен из секонд-хенда в мешковатом свитере, синих джинсах и кроссовках.

Воздух здесь стоял тяжёлый, спёртый – коктейль из табачной вони, хлорки и ржавчины. Стены пестрели «наскальной живописью» – от невероятной похабщины до внезапной философии, а где-то под потолком плакала труба, мерно отбивая ритм каплями о кафель.

«*Ну и дыра*», – подумал Артур и повернул голову.

За окном, внизу, была видна входная группа здания. Над ней висел пафосный голубой герб с изображением гор, а под ним – красивая надпись: лицей «Вершина». На ступеньках сидели несколько учеников в голубой униформе – пиджак, брюки у мальчиков, серая юбка и гольфы у девочек.

Артур оторвал взгляд от герба и перевёл на стену, где красовалась надпись «Левенгаупт – чмо».

Почти всё лето прошло в психиатрической клинике. После выписки доктор Крамер рекомендовал сменить место учёбы на заведение закрытого типа. Потом дал матери буклет «Вершины».

Вода ледяной струйкой текла на ладонь. Парень вздрогнул: он и забыл, что открыл кран. Рука казалась бесчувственным протезом.

«*От меня просто избавились* – подумал Артур, чувствуя, как ладонь немеет от холодной воды. – *Здесь учатся либо дети богатых, либо те, на кого возложили надежды. Я – ни тот, ни другой. Снова лишний*».

Пора принять лекарство.

«*Скучал?*» – ввинтился в мозг вкрадчивый голос.

Артур не ответил. Он с трудом повернул скользкий вентиль, машинально выудил из сумки пузырёк и скрутил крышку. А потом выругался.

Пусто.

Это плохо.

Очень плохо.

Нервно хохотнув, он со всей силы швырнул бесполезный пузырёк в стену. Пластик звонко срикошетил от кафеля, описал дугу и угодил точно в мусорное ведро. Идеальная траектория была не случайностью. К таким странностям он уже привык.

«*Как насчёт старой доброй истерики?*»

Стиснув зубы и криво улыбаясь, Артур до боли вцепился пальцами в волосы и задрал голову, уставившись в одну точку, чтобы не закричать. Взгляд упёрся в пожелтевший потолок. Кто-то умудрился даже там, на высоте, написать чёрным маркером: СТОП. Что бы это ни значило.

«Элитный лицей, – мелькнула отстранённая мысль, – а клозеты – как везде».

Но проблема была не в этом.

Артур разжал пальцы. Пригладил взъерошенные волосы и поправил очки.

– Новое место. Старые беды с башкой, – пробормотал он своему отражению. – Потрясающе.

А потом шумно выдохнул, пытаясь унять дрожь. В коридоре резко задребезжал звонок, заставив подскочить. Придя в себя, Артур нехотя вышел из туалета.

Светлый коридор был почти пуст, лишь пара опоздавших учеников пробежала мимо. Парень свернул к лестнице. В ушах нарастал противный гул. Обычно таблетки глушили этот шум, но сейчас их не было.

Артур держался за виски. Он не заметил троицу у окна.

Тот, что в центре, выделялся сразу. Вид у него был такой, словно он купил этот подоконник вместе со всей школой. Под расстёгнутой чёрной курткой-бомбером выглядывала обтягивающая мышцы белая майка. На пальце поблёскивал перстень, пока его владелец, щёлкая, играл зажигалкой. Надменно задрал голову, он, демонстрируя белоснежную улыбку, рассказывал что-то своим приятелям, стоявшим по бокам.

Держа руки в карманах, они снизу вверх смотрели на своего «короля» и изредка что-то отвечали. Один был худым, жилистым и прямым как штaketина, блондином с наушниками на шее. Второй, словно его антипод – низким и широким брюнетом с золотой цепью.

«*Сейчас “Пропуска будет”!*» – вонзилось в мозг так, что хотелось вскрикнуть.

Стоило Артуру приблизиться, их ленивый разговор оборвался. Он ускорил шаг. Привычного страха не было. Лишь желание скорее проскочить незаметно.

Не вышло.

– Макс, глянь-ка, свежее мясо! – гоготнул широкоплечий. – Эй, слышь! Иди-ка сюда!

«*И тебе привет, придурок*», – ядовито отозвался в голове чужой голос.

Артур хотел пройти мимо, делая вид, что не слышит, но Макс спрыгнул с подоконника и преградил ему путь.

Артур остановился, вынул из кармана пятирублёвую монетку и медленно прокрутил её между пальцами.

«*Всё хорошо. Если ты сделаешь прямо сейчас – никто и не поверит*» – раздалось в голове.

Монетка вернулась обратно.

– Эй, а знакомиться не будем? – Макс, с пугающе дружелюбной улыбкой, протянул руку.

Не видя иного выхода, Артур, поколебавшись протянул ладонь. Макс крепко сжал её, но не отпустил.

– Ого, что это у нас тут? – с наигранным интересом протянул он, заметив блеск металла на запястье.

Артур попытался вырваться, но «Король» был намного сильнее. Макс резко дёрнул его на себя, лишив равновесия. Щёлкнул замок браслета. Одно ловкое движение – и запястье пугающе опустело.

– Я посмотрю, да? – он поднял часы на уровень глаз.

Циферблат под сапфировым стеклом был комбинированный – жидкокристаллический экран и стрелки.

– Отдай, – голос Артура дрогнул. Он беспомощно потянулся за часами. – Это подарок отца!

Он попытался выдернуть руку, но тщетно.

«*Успокойся. Не паникуй. Он играет*».

– Не слишком ли крутые для такого лоха, как ты, а? – усмехнулся «Король» под одобрительное хихиканье своих дружков. – Папочка почку продал?

– Отдай! Я просто...

– Просто что? Просто нищеврод? – перебил Макс, отпустил и с силой толкнул его в плечо.

Артур отлетел назад и глухо ударился лопатками о стену. Очки съехали на кончик носа. Он судорожно поправил их трясущейся рукой.

«*Заткни ему глотку. Сейчас самый подходящий момент*».

– И что ты сделаешь, если не отдам? – Нависал Макс. – Побежишь директору жаловаться? Или папочке позвонишь?

– Я... я... – слова застряли в горле, перекрывая дыхание.

– Смотри, как это *быдло* мычит! – загоготал блондин.

– Вот тормоз! – поддакнул широкоплечий.

Артур понимал, что должен ответить, ударить, сделать хоть что-то, но тело словно парализовало.

«*Как насчёт их просто убить?*» – подсказал Голос.

Оцепенение треснуло, и Артур выкрикнул:

– Отвали от меня, козёл!

И тут нервно вздрогнул, поняв, что ответил вслух. Улыбка мгновенно сползла с лица Макса.

– Что ты вякнул?

– И... – Артур дрожал. – ...извини!

Максим шагнул вплотную, сгрёб воротник Артура, едва не придушив, и занёс кулак.

«Ну всё, конец».

– Ты хоть знаешь, кто я такой? – процедил он сквозь зубы и ударил по скуле.

Перед глазами вспыхнули цветные сполохи. Голову мотнуло, очки сползли. Было не столько больно, сколько обидно. *Обычным способом* одному с тремя не справиться.

Гогот и возню разрезал девичий голос – холодный и хлесткий, как удар плети:

– Эй, уроды! Вы что творите?

Все четверо резко обернулись. Из тёмного провала лестницы к ним стремительно приближалась фигура с объёмной спортивной сумкой на плече.

– Это же... – Макс прищурился, и краска схлынула с его лица. Он с силой отшвырнул Артура к стене, словно тот стал чумным.

– Бегите, придурки!

– Ты чё, бабы испугался? – фыркнул блондин, лениво отликая от подоконника.

– Идиоты, вы не понимаете! Это Карпова!

– Карпова? И чё? – недоумевал широкоплечий.

– Ритка-Фаталити! Валите, пока кости целы!

Услышав прозвище, дружки Максима, расширив глаза, переглянулись. Но было поздно.

«*Это что, какая-то местная легенда?*»

Девушка была высокой, в серой толстовке и чёрных трико, с безупречно прямой осанкой. Растрёпанная чёлка падала на лоб, за спиной ритмично подпрыгивали две длинные косы. Лицо оставалось пугающе спокойным, лишь в раскосых карих глазах, густо подведённых «стрелками», застыла холодная ярость. Она сжимала лямки так, что сбитые костяшки пальцев побледнели.

Блондин неуверенно шагнул навстречу. Рита, не сбавляя шага, швырнула ему в грудь свою ношу. Тот рефлекторно поймал, тут же получив прямой удар в нос. На пол капнула кровь. Блондин выронил сумку, схватившись за лицо, а Рита, используя инерцию, с разворота впечатала подошву кроссовки ему в челюсть. Парень отлетел к стене и сполз на пол.

Широкоплечий попытался перехватить инициативу и бросился на неё. Девушка легко нырнула под его замах и с силой всадила колено точно между ног. Взыв, он схватился за промежность и рухнул, свернувшись.

Максим наблюдал за расправой, даже не думая вмешиваться. Теперь, когда исход был ясен, он расслабленно стоял, сунув руки в карманы бомбера, и нагло скалился.

– Привет, Киса, – вдруг приторно-ласково протянул он, глядя на Риту, не обращая внимания на стонущих приспешников.

Рита занесла руку для следующего удара.

– Ну чего ты, неужели опять злишься?

Девушка замерла в нерешительности. Ухмылка мажора стала ещё шире, он окинул её оценивающим взглядом:

– Киса... Ты же бьёшь только тех, кто тебе безразличен.

– Не называй. Меня... Так! – прорычала девушка.

Брови сдвинулись к переносице. Кулак мелко дрожал.

– Хорошо, Киса! – подмигнул Макс.

Хлопок пощёчины раскатился по коридору. Максим коснулся щеки, на которой мгновенно появился алый след от ладони. Улыбка сползла с его лица, но тут же вернулась на место.

Артур, успевший подняться, переводил взгляд с ухмыляющегося парня на разъярённую девушку. Её глаза блестели, губы подрагивали.

«*Она что, сейчас заплачет?*»

– Отдай парню то, что забрал, – отрезала она дрогнувшим голосом и добавила: – Дружков своих не забудь.

Макс покрутил браслет в руках и пожал плечами:

– Да я посмотреть только хотел.

С этими словами он небрежно швырнул часы на пол. Они проскользили несколько метров и остановились у ног владельца.

Этим жестом Максим пересёк черту.

– Ты... – губы Артура перекосило от гнева.

Оскалив зубы, он наклонился, поднял украденное и зажал в кулаке, выставив циферблат вперёд, словно кастет.

«*Вау!!! Ты серьёзно сделаешь это своими руками?*»

– **Тварь!** – выдохнул Артур и бросился на врага.

Он видел, как удивлённо разгладились брови Риты, как сползла ухмылка с лица Максима. «Король» этого не ждал.

Титановый корпус врезался в губы.

По подбородку Макса покатила густая красная капля.

«*Что я наделал?*» – мелькнуло в сознании Артура.

«*Первую кровь ты наделал!*» – возликовала другая, чужая мысль, – **Наконец-то драка!**

Голову прикрой!»

– Ах ты сучёныш! – взревел мажор, сплёвывая красным и тут же ударил в ответ.

В этот раз Максим не пожалел сил. Могучий апперкот отправил Артура в нокдаун.

Всё заволочло густым, вязким туманом. В ушах стоял противный звон, заглушающий мысли. Паркетный пол под щекой мелко дрожал от топота – Макс со своей свитой спешно ретировался.

Голоса звучали глухо, словно из-под толщи воды:

– Стоять! – яростно кричала им вслед Рита.

– Он первый напал, Кис! – донеслось издали самодовольное оправдание.

Артур почувствовал, как чьи-то руки осторожно приподнимают его голову. Над лицом нависла размытая тень.

– Эй! Ты живой?..

Ответить он не успел. Экран утонул в помехах.

Глава 2: Любовь

В зале повисла тишина, нарушаемая шипением и едва уловимым писком кинескопа.

– Быстро же он тебя уработал! – Гон разочарованно цокнул языком.

Артур вжался в кресло. Челюсть ныла так, словно Макс врезал ему не на экране, а прямо здесь.

– Я не хотел этой драки... – пробормотал он, осторожно трогая скулу.

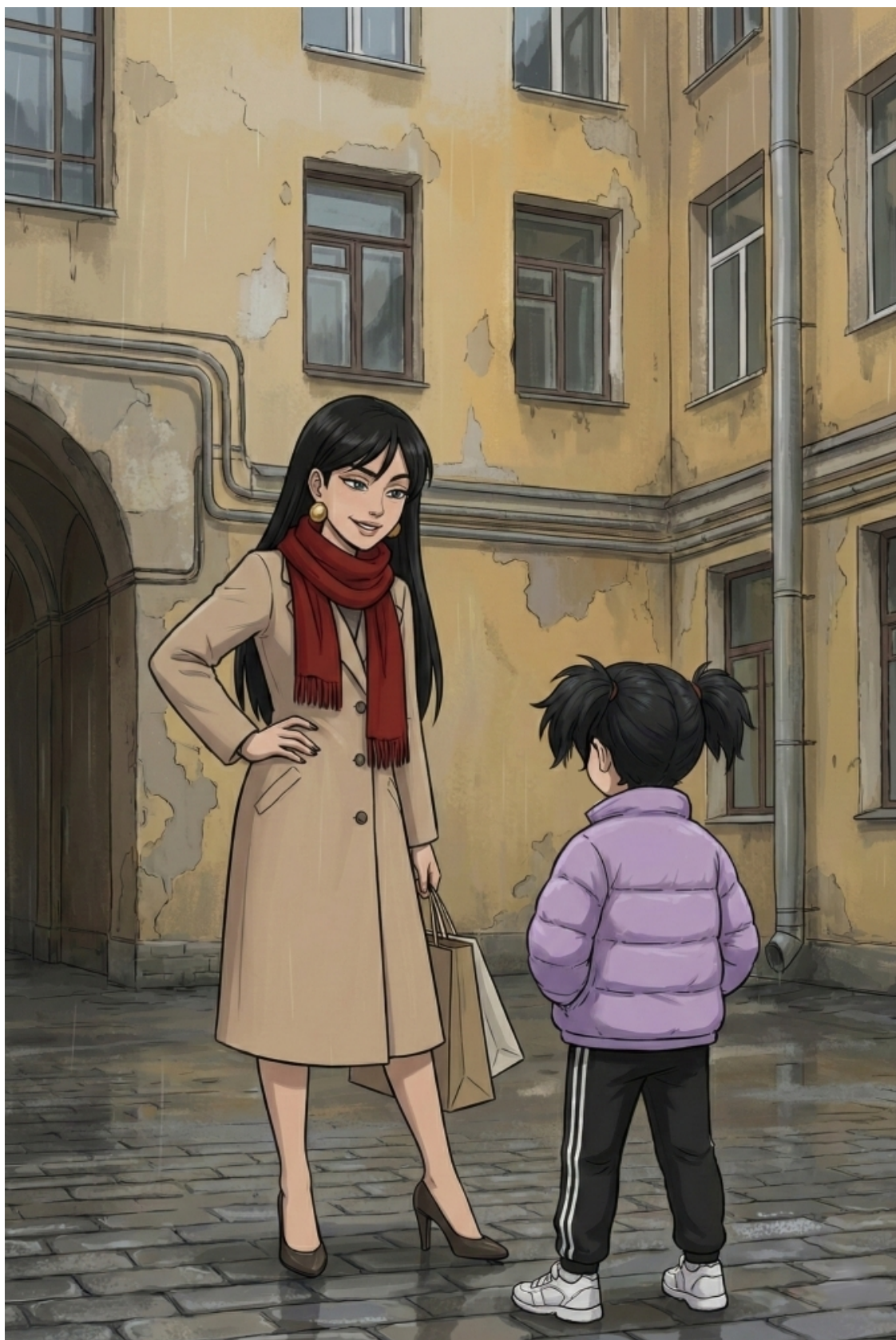
– Ладно, пока эфир на техническом перерыве, глянем вырезанную сцену.

– Какую ещё сцену?

Гон усмехнулся и направил пульт на телевизор:

– Тысяча девятьсот девяносто девятый год. Тот же день. Помнишь, ты возвращался из школы с отцом, а он забыл про твой день рождения и подарил часы?

Изображение прояснилось. Цвета были яркими, сочными.

...Под дворовой аркой стояли двое.

Длинноволосая женщина в бежевом пальто с туго повязанным красным шарфиком отчитывала девочку в сиреневой куртке. Та стояла к Артуру спиной, упрямо засунув руки в карманы.

– Скажи спасибо, что у меня стыда нет и краснеть не умею!

– Но, маменька! Он ведь первый начал! – возмутилась девочка, тряхнув головой.

Короткие чёрные хвостики колыхнулись.

– Я хотела быть расхитительницей гробниц, а он сказал, что девчонки слишком слабые!

– А если бы он с крыши прыгать начал? Ты бы за ним? – усмехнулась женщина. – Тебя отец не для того учил, чтобы ты всех подряд пинала!

– Ну и зачем мне тогда карате? – Дочь зло топнула.

– Солнышко, я не запрещаю тебе распускать рученьки. Просто не трать силы попусту на всяких придурков. Ты могла бы заступаться за тех, кто *недостаточно силён*.

– Хорошо, маменька, извини.

Внезапно женщина скользнула взглядом по маленькому Артуру и хмыкнула:

– Пошли, а то, вон, парнишка плячется, поди, приглянулась ты ему!

Девочка чуть обернулась и, сверкнув карими глазами, фыркнула:

– Пф-ф! Ещё чего!

Они зашагали вдоль улицы. Маленький Артур смотрел им вслед, поправляя очки.

– Это... Рита? – проговорил повзрослевший Артур растерянно. – Я не помню такого момента.

Гон ткнул пальцем в экран:

– Ты не запомнил. А я – да. Я, в отличие от тебя, её маму сразу узнал! Ещё бы – не узнать! Ладно, посмотрим, что там было дальше!

Нашатырь распахнул ворота обратно в реальность. Артур дёрнулся, жадно глотая воздух. В ушах всё ещё звенело.

– Очнулся, – констатировал спокойный женский голос. А следом бодро пропел: – Вставай, проклятьем заклеймённый!..

Артур с трудом разлепил веки, зажмурившись от света лампы на белом потолке. Стойкие запахи спирта, антисептика и хлорки без разрешения вторгались в ноздри. Челюсть пульсировала от боли, к скуле был прижат пакет со льдом. Над кушеткой склонилась женщина – стройная, в белоснежном халате и причёской под каре. Вокруг глаз лучились морщинки – добрые, но с хитрецей.

«Ох, и досталось же нам!» – прохрипел Голос, видимо тоже придя в себя. – **Эй, а ведь одно лицо. Неужели мать?»**

Сходство и правда было: тот же волевой подбородок, разлёт бровей и осанка.

Медсестра отставила пузырёк и с лёгким ехидством произнесла:

– Аллилуйя! Воскрес! Я Любовь. Только не подумай ничего, это имя. Для тебя – Любовь Васильевна. А Ритоньку, я гляжу, ты уже знаешь. Держи имущество!

Она протянула ему очки и часы, села за стол и открыла какой-то журнал. Вернув зрению чёткость, Артур защёлкнул на запястье холодный браслет. И только тогда заметил Риту.

Она сидела поодаль в кресле, скрестив руки на груди. От её недавней ярости не осталось и следа: Фаталити исчезла, осталась просто девушка, которая нервно кусала губу и смотрела на него с тревогой.

– Ты как? – тихо спросила она.

Артур приподнялся на локтях, поморщился от стреляющей боли и с трудом ответил:

– Д-да. Нормально.

– Ничего не забыл? – вдруг вмешалась Любовь Васильевна, поджав губы и не отрывая взгляда от строк на бумаге.

Артур моргнул, завис на секунду, а потом понял намёк. Покраснев, он выдавил:

– А... да. Спасибо... Рита.

– Тебя как зовут-то, бедолага? – спросила медсестра, не отрываясь от журнала. – Надо же знать, что в «эпитафию» добавить.

– Артур... Комаров.

«Юморок у неё – хоть сразу в гроб ложись!» – захохотал чужеродный голос в голове.

– Артур Комаров, – повторила она, скрипя ручкой. – Споткнулся... упал... ударился головой. Ведь так всё и было?

Артур не понял, был ли это текст «эпитафии» или намёк, что лучше держать язык за зубами.

– И вот ещё, – добавила она, продолжая писать. – Матвей Андреевич, директор наш, проходил мимо и видел, как Ритонька тебя сюда волокла. Велел, как придёшь в себя, зайти к нему. Беспокоится о здоровье учеников. *Такой душечка*. Было бы нехорошо, если бы он узнал, что моя дочь снова *влипла* во что-то. *Так ведь?*

Последние слова были сказаны с нажимом.

– Я провожу его до кабинета, маменька, – отозвалась Рита, поднявшись с кресла.

Это слово резануло слух.

– Чудно, – ласково сказала Любовь Васильевна, поставив жирную точку в журнале и их диалоге.

Артур, шатаясь, встал. Чуть подташнивало. Рита привычным движением закинула сумку на плечо и цепко подхватила его под локоть, не давая упасть.

– Идём, – скомандовала она.

– Ты уж присмотри за ним, чтобы не убился нигде! – донеслось вслед напутствие.

Они вышли в просторный вестибюль с высокими окнами. Судя по тишине и листопаду снаружи, медпункт занимал отдельный флигель в отдалении от шумного учебного корпуса.

– Погоди, сколько ты меня тащила? – изумился Артур, оценив расстояние.

– Не волнуйся, я сюда и направлялась, – сухо пояснила Рита. – Мне нужно скинуть сумку и переодеться.

На второй этаж вела бетонная лестница с широкими деревянными перилами.

Поднявшись, они оказались в узком коридоре. Четыре двери слева, одна – в тупике. Последняя была приоткрыта: внутри виднелся белый кафель и цветные полотенца. Похоже,

душевая. Из окон справа лился яркий дневной свет, в котором пылинки танцевали хаотичный вальс.

– Слушай, – задумчиво протянул Артур, вглядываясь в её восточный профиль, – а мы раньше не встречались?

Рита проигнорировала вопрос. Она пошарила в кармане толстовки и выудила связку ключей с вызывающе-розовым брелоком – фигуркой Hello Kitty. Остановившись у первой двери с табличкой «Палата №4», она вставила ключ в замок.

– Не думаю. Заходи, – бросила она, распахивая дверь.

Артур замер на пороге. Он ожидал увидеть унылую больничную палату – и поначалу так и показалось: зелёная плитка, кушетка с тонким матрасом, белый металлический шкафчик. Но тут же взгляд зацепился за яркие, совершенно неуместные детали, разрушающие стерильность этого мира.

Едкий запах лекарств смешивался здесь с чем-то домашним, уютным: ароматом цветочного шампуня и сладких духов.

На стене у изголовья кровати висел потрёпанный плакат рок-группы, приклеенный по углам кусками изоленты. Над кушеткой тянулась самодельная гирлянда – лампочки были продеты сквозь разноцветные трубки от медицинских капельниц.

В углу громоздились гантели и баскетбольный мяч. На столе был настоящий бардак: старый плеер, пачка мятных леденцов, книги, ворох бумаг с набросками, перевёрнутая фото-рамка, цветные карандаши, ручки. На спинке кресла висели побитые боксёрские перчатки, а рядом, прямо на полу, валялись высокие шнурованные красные ботинки.

Зеркало над раковиной украшала выпцветшая наклейка от жвачки Turbo с жёлтым «кадиллаком».

Противоположная стена превратилась в настоящий алтарь: она была плотно увешана грамотами и медалями.

«Неужели один человек способен столько выиграть?» – изумился Артур.

«По себе не суди, неудачник!»

За стеклом белого медицинского шкафа, где по идее должны храниться лекарства, Артур разглядел пёстрый хаос: книги вперемешку с косметикой, золотые кубки, фигурку какого-то синеволосого героя аниме и стопку журналов с иероглифами на корешках.

«Японский?»

– Моя конура, – небрежно пояснила Рита, сбрасывая кроссовки. – Извини, тут не прибрано.

– А разве ученики живут не в общежитии? – удивился Артур, протирая очки и машинально разглядывая таблицу для проверки зрения на стене.

«Ш, Б, М, Н, К... Что там дальше?»

– Всё верно, – отозвалась Рита, распахнув дверцу шкафа. – Иногородные живут в общежитии. Но...

Она не договорила, стянув толстовку. Серая ткань скользнула по телу и полетела на спинку стула. Рита осталась в обтягивающем чёрном спортивном топе.

«Вот это да! Да у неё „банки“ больше, чем у тебя ноги, задохлик!»

Артур невольно засмотрелся. Его поразила спина: литые дельты, чёткий рельеф мышц, играющих под кожей при каждом движении.

Рита взяла стопку одежды, а потом перехватила его взгляд через зеркало на дверце.

– Что такое? – спросила она, ни капли не смутившись.

Артур поспешно отвёл глаза, чувствуя, как горят уши.

– Ничего.

– Садись, жди здесь. – Она кивнула на кушетку, закинув на плечо махровое полотенце. – Я быстро. И, Артур... – Она замерла на пороге, и голос стал стальным. – Ничего тут не трогай.

С этими словами Рита скрылась в коридоре, плотно прикрыв за собой дверь.

Оставшись один, Артур присел на край жёсткой кушетки.

Раздалось журчание воды. Минут через десять из коридора донеслось приглушённое жужжание фена. А ещё через столько же дверь распахнулась, и вместе с облаком влажного пара и запахом свежести в комнату вернулась хозяйка.

Рита преобразилась. Распущенные волосы аккуратно уложены, чёлка усмирена заколкой. Плиссированная юбка до колен, белая рубашка с красным галстуком, приталенный синий пиджак с золотым гербом и чёрные гольфы придавали ей строгий вид.

– Ну, как я выгляжу? – спросила она, небрежно бросив мокрое полотенце на спинку кресла.

Артур застыл.

– Что-то не так? – Рита вопросительно изогнула бровь.

Он растерялся окончательно. Мысли путались, но в голове тут же прорезался ехидный совет: **«Сделай комплимент, придурок! Иначе она тебя приберёт!»**

Артур набрал в грудь воздуха. Глаза панически забегали по комнате.

– Ну... Ты выглядишь... – Он запнулся, наткнувшись на её строгий, оценивающий взгляд. – То есть, это... не как раньше. Красиво. Очень. Форма тебе... идёт. В общем, ты здорово выглядишь!

Рита секунду наблюдала за его мучениями с каменным лицом. А затем фыркнула в кулак. Лёд треснул – она рассмеялась, легко и звонко, и на щеках проступил лёгкий румянец.

– Ну и пассаж ты выдал! – выдохнула она сквозь смех. – В следующий раз просто скажи «Шикарно!», и этого хватит. Ладно, нам пора спешить.

«Надо же, она и смеяться умеет?» – пронеслось в голове Артура.

Они молча спустились с крыльца. Путь к главному корпусу лежал через красивый парк. Воздух был прохладным, но осеннее солнце всё ещё грело. Вдоль аллеи выстроились вековые липы, усыпавшие асфальт шуршащим золотым ковром.

На узком мостике, перекинутом через заросший пруд, Артур всё же решился нарушить тишину:

– Давно вы с мамой живёте тут?

Рита остановилась так резко, что он едва не врезался ей в спину. Пришлось взмахнуть руками, чтобы удержать равновесие.

– Год, – сухо бросила она и снова двинулась вперёд, ускорив шаг.

– Прости, наверное, не стоило спрашивать, – пробормотал Артур, поправляя съехавшие очки.

– Ничего, – ответила Рита, пожав плечами. – Со стороны это и правда выглядит странно. Неудивительно, что ты спросил.

Они миновали ажурные чугунные ворота и вышли на вымощенную плиткой площадь перед входом.

– Наш дом сожг... сгорел, – внезапно пояснила девушка, глядя прямо перед собой.

Артур сжался от этой явной оговорки.

– Я не знал... Извини.

– Проехали.

Массивные дубовые двери впустили их в просторный, гулкий холл.

– Раньше тут был элитный пионерлагерь, – сменила тему Рита, обводя пространство рукой. – В девятностые его выкупил один бизнесмен под частную школу. Ты уже успел познакомиться с его сыночком.

– Это ты про...

– Да. Я про Макса Козлова.

– Погоди-ка! А его отец случайно не...

– Да, —кивнула девушка, скривившись. – Он также основатель банка Kozloff.

И только сейчас до него дошло, что Максим имел в виду, когда говорил: «Ты хоть знаешь, кто я такой?» По телу пробежала мелкая дрожь.

«Во что я влип?»

«Да расслабься! Он не тот, кем хочет казаться».

Они поднялись по широкой мраморной лестнице. Второй этаж встретил их тишиной ковровых дорожек и рядом мягких банкетов вдоль стен.

Рита затормозила у высокой двери с золотистой табличкой «Директор М. А. Добрынин».

– Вот нужный кабинет, – сказала она, – Напомню, директора зовут Матвей Андреевич.

Артур кивнул, собираясь с духом.

– Встретимся позже, – бросила девушка.

Она резко развернулась и поспешила прочь, словно это крыло здания было проклято. Волна волос оставила после себя шлейф шалфея и лаванды. Артур, глядя ей в спину, всё же крикнул:

– Спасибо... за всё.

– Если будут проблемы – зови. Я разберусь! – донеслось уже от лестницы.

– Я не просил мне помогать, – пробурчал Артур себе под нос, когда она скрылась из виду.

«Поздно строить из себя крутого!» – ехидно заметил внутренний голос.

Глубоко вздохнув, парень постучал в дверь.

– Войдите, – глухо раздалось изнутри.

Кабинет директора оказался небольшим пеналом, обставленным с неожиданным старомодным уютом. Стены украшали дипломы в выцветших рамках, а на почётном месте висела пожелтевшая газетная вырезка под стеклом: группа мужчин в полярных куртках на фоне ледяной пустыни.

«Советские учёные в Антарктиде – к новым открытиям! Экспедиция в честь XXIII съезда КПСС» – жирным текстом скандировал заголовок.

Обстановку составляли железный картотечный шкаф, потёртый сервант с книгами и массивный письменный стол – явно ровесник хозяина. Позади возвышалось внушительное кожаное кресло, а напротив для посетителей предназначался неудобный деревянный стул. На подоконнике чахла герань. Пахло книжной пылью и старой бумагой.

Хозяин кабинета сидел, уткнувшись в документы. Высокий лоб мужчины был изрезан глубокими морщинами, а благородная седина блестела на солнце. На остром носу сидели круглые очки в тонкой оправе. Лицо тщательно выбрито. Рубашка в полоску стянута коричневыми подтяжками. Рукава закатаны.

– Здравствуйте! – поздоровался Артур, чувствуя, как колени трясутся.

«Споткнулся... упал... ударился головой. Так и запишем», – всплыло в памяти.

– Значит, Комаров? – произнёс он, не поднимая головы. – Проходи, присаживайся.

Парень прошёл по вытертой ковровой дорожке и опустился на жёсткий стул.

«Не хватает только лампы в лицо и полной пепельницы. Сейчас будет допрос, я это чую», – прогудел голос в голове.

– Где это тебя угораздило, голубчик? – мягко, почти по-отечески, спросил Добрынин, подняв наконец выцветшие зеленоватые глаза.

Артур замялся. Ложь застряла в горле.

– Я... просто... Упал, – выдавил он.

«О, да ты решил с ним поиграть!»

Директор отложил папку, сцепил пальцы в замок и пристально посмотрел на ученика поверх очков.

– Упал, значит? – переспросил он с нечитаемой интонацией. – Да ну?

Тишина в кабинете давила на виски сильнее любых угроз. Тик-так. Тик-так. Громкое тиканье настенных часов отмеряло секунды. Минутная стрелка неумолимо подползала к десяти. Вот-вот начнётся вторая пара.

Артур сглотнул вязкую слюну.

– Да, просто так вышло...

– Вышло, – эхом повторил директор и встал, мельком взглянув на газетную вырезку на стене. – Знаешь, мальчик, я в этой школе давно. Очень давно. И тут довольно много... падают. Особенно в туалетах. Вот незадача-то. Полы солидолом какой-то хулиган смазал, что ли?

Он подошёл ближе, опёрся бедром о край стола и посмотрел на Артура строго, поверх очков. Но уже через секунду его лицо расплылось в добрейшей улыбке.

– Не бойся. Просто скажи, что произошло.

Если рассказать, к нему навсегда прилипнет клеймо стукача. Таких не любят нигде, и жизнь в интернате очень скоро превратят в ад.

– Я... я правда... упал, – Артур сцепил кисти замком на коленях, – Ударился о раковину.

– Какое странное совпадение, – задумчиво проговорил Добрынин, словно вспомнив незначительную деталь. – Тут я совершенно случайно встретил другого ученика, который тоже «упал» и тоже разбил губу. За ним следовали ещё двое, они сказали аналогичное. Они мне уже во всём сознались. Но я хотел бы послушать твою версию, ведь вы все вместе были, так?

«Какой дешёвый блеф! Мы уже знаем, что Максимка у нас тут „особенный“, чёрта с два бы его тут допрашивали так же, как тебя! А если бы он всё рассказал, ты бы уже стоял с вещами на выходе! А то и беседовал бы не с директором, а с товарищ-майором Доугралесом за причинение увечий! И речь бы шла не о твоих увечьях!»

– Мне жаль, но я и правда не знаю, о чём вы. Может, они зашли позже? – неуверенно проямлил Артур, чувствуя, что вот-вот расколется. – Я был один. Я упал в туалете и ударился о раковину. Там и правда скользко, можете проверить.

– Кстати, эта девочка... как, бишь, её зовут? Маргарита? – Директор задумчиво погладил подбородок. – Она очень отважно несла твоё бесчувственное тело. Скажи-ка на милость: если ты упал в мужском туалете, да ещё так неудачно, аж сознание потерял, как ты объяснишь, что тебя обнаружила там эта молодая особа?

Артур, ёрзая, вжался в стул.

«Чёрт, раскусил! Что отвечать, что отвечать?!»

«Держи себя в руках, это всё блеф. Не поддавайся. Ему нужно признание».

– Перепутала дверь, верно? – услужливо подсказал Добрынин, сверкнув очками.

Артур машинально кивнул, но тут же понял свою ошибку.

– Вот как? – с прокурорской улыбкой продолжил директор. – Но ты ведь был без сознания. Давай-ка вызовем её сюда и спросим вместе?

Парень открыл рот, но не найдя, что ответить, закрыл.

– А что скажет твоя мама?

«Нет, только не это!»

Добрынин снял тяжёлую трубку старинного аппарата. Протяжный гудок впился в уши. Директор медленно занёс палец.

– Может, позвоним? Узнаем, как часто ты падал в прошлой школе?

Артур сжал губы так, что они побелели. Добрынин улыбнулся ещё шире и провернул диск.

Сухой треск возвращающегося механизма ударил по нервам.

Директор поднял руку для следующей цифры, не сводя взгляда со своей жертвы, а затем демонстративно посмотрел в записную книжку.

Артур выдохнул. Он сломался.

– Матвей Андре...

Его слова перебил настойчивый стук.

Добрынин раздражённо повернулся, открыв рот, чтобы сказать, что занят, но не успел. Дверь распахнулась так, словно её вышибли тараном, створка ударилась о стену.

В кабинет ворвался рыжий вихрь. Сквозняк подхватил бумаги со стола, и они белыми птицами разлетелись по полу.

На пороге стояла девушка. Огненно-рыжие волосы собраны в тугий лисий хвост, всё лицо усыпано веснушками. Форма идеально выглажена, на красном галстуке сверкал зажим, а на лацкане пиджака, точно орден, горел жёлтый значок: крупная цифра «11 α» и ниже – «Староста класса».

Директор набрал воздуха, но гостя опередила его, затараторив в темпе скороговорки из рекламы по радио («имеютсяпротивопоказаниянеобходимаконсультацияспециалиста»):

– Матвей Андрейч! Матвей Андрейч! Это караул! Василиса Ивановна перенесла контрольную на понедельник, но это нечестно! Так нельзя! Нельзя-нельзя-нельзя! Категорически нет, я против! Я возмущена и официально протестую!

Добрынин поднял палец, пытаясь вставить слово, но куда там.

– В понедельник у нас уже стоит коллоквиум по истории! Это перегрузка! Я подошла к Василисе Ивановне, но она странная такая: сказала, что отменит только через свой труп! Вы же не хотите убийства? Вы должны остановить это безумие!

– Екатерина! – громко осадил её Добрынин. – Безумие тут – это ты! Вообще-то, у меня посетитель!

Она резко замолчала и перевела взгляд на Артура, словно только заметив. Глаза полыхнули янтарём. Уголки губ слегка приподнялись.

– Ах, простите, – тут же спохватилась она. – Мне подождать за дверью? Может, я отвлеку? Мне следует уйти? Если так, то я уйду! Если я мешаю – только скажите. Вот только если я сейчас уйду, то разговор придётся отложить, но дело ведь срочное! Вам это невыгодно, я знаю! Вы же не хотите, чтобы показатели одиннадцатого «альфа» рухнули?

«Прямо чувствую, как у нас и у этого старика голова разболелась, – проворчал внутренний голос. – Где там у неё выключатель?»

Директор снял очки и устало потёр переносицу.

Сделав глубокий вдох и водрузив очки обратно на нос, он произнёс:

– Так, милочка. С Василисой Ивановной я ещё поговорю. С тобой, молодой человек, мы тоже продолжим беседу, но позже. Сейчас тебя нужно доставить в класс. У тебя есть учебники?

– Нет, – ответил Артур. – Я ещё не получал...

– Ладно, разберёмся. Зайди в библиотеку после уроков, только не забудь оформить формуляр, а то ничего не выдадут. Для этого нужно в кабинете номер...

Слова Добрынина потонули в пронзительной трели звонка.

– Какой каби... – начал было Артур, но договорить ему не дали.

– Бежим скорее! – громко сказала староста и выдернула парня из кабинета, схватив за руку.

Ладонь была тёплой. Они неслись с такой скоростью, что Артур чувствовал себя беспомощным хозяином ротвейлера, который погнался за кошкой. Коридор смазлся в одно цветное пятно. Едва успевая переставлять конечности, чтобы не рухнуть лицом вниз, Артур услышал вопрос:

– А как тебя зовут?

Дыхание девушки даже не сбилось.

– Ар... Арт... тур... – задыхаясь и жадно хватая ртом воздух, выдавил он. – Ко... ма-ар-ов!

– А я Катя, – ровным, звонким голосом произнесла она. – Катя Котёночкина.

Они резко, с визгом подошв, затормозили у двери с номером «210». Котёночкина бесцеремонно толкнула створку и затащила Артура внутрь.

У доски застыл учитель. Высокий, пугающе худой, в безупречном чёрном костюме и очках. Тёмные волосы аккуратно уложены, лицо напоминало гипсовую маску с кинжально-острой эспаньолкой.

– И как это понимать, вы двое? – спокойным тоном осведомился он.

– Извините, Алексей Петрович! Тут такое дело, я зашла к Матвею Андрейчу в кабинет по поводу вашего коллоквиума узнать, а там этот новенький. Матвей Андрейч велел его при-

вести к вам, он же ещё почти ничего не знает. Ну вот я и привела его, иначе бы заблудился, понимаете?! Мне, а разумеется, и вам тоже не хотелось бы...

Алексей Петрович выставил ладонь вперёд, словно защищаясь от нападения.

– Довольно. Если новенький, то на первый раз прощаю. Встань сюда, пожалуйста, и представься.

Артур вышел к доске. Внутри всё сжалось: десятки взглядов сверлили его насквозь. Кто-то хмыкнул. По рядам пробежали шепотки и смешки.

В центре класса он узнал Риту. Она сидела одна, скрестив руки на груди и глядя в окно. Неподалёку расположился Максим с распухшей губой. Увидев Артура, он прищурился. Мажор демонстративно потёр костяшки кулака о ладонь.

– Меня зовут Артур. Фамилия – Комаров...

– Гнус! – шепнул Максим.

Класс взорвался хохотом.

Учитель резко, с отяжкой хлестнул указкой по доске. Смех оборвался мгновенно, словно выключили звук.

– Вам весело? – вкрадчиво, почти шёпотом спросил он, обводя класс тяжёлым, немигающим взглядом. – Я не клоун, а это не цирк.

Учитель медленно повернул голову к новичку:

– Садись рядом с Карповой. И веди себя прилично. У меня правил немного, требую всего три вещи: молчать, учить и отвечать.

Рита сидела, вольготно откинувшись на спинку и закинув руку на соседний стул. Когда Артур подошёл, она лениво убрала локоть, освобождая пространство.

– Не обращай внимания, – едва слышно шепнула она, закатив глаза. – Это же интернат для «уникальных», чего ты ожидал? Как там с директором?

– Всё нормально... Пара вопросов, – так же тихо ответил Артур, доставая тетрадь.

– Ты нас не сдал?

– Нет.

Рита некоторое время смотрела на него пристально, а потом с облегчением выдохнула. Плечи заметно опустились.

– Спасибо. Вот и славно. Если тренер узнает, что я *снова* устроила драку, у меня будут серьёзные проблемы.

«*Так-так, снова, значит*», – ехидно отметил внутренний голос.

Учитель тем временем продолжал лекцию. Его голос был монотонным, сухим, но безупречно чётким.

– Первая половина двадцатого века – время тектонических сдвигов. Российская империя оказалась на грани краха. Вступление в Первую мировую войну, снарядный голод, экономический коллапс... В обществе усилились леворадикальные настроения: эсеры, большевики, анархисты. Страна бурлила, требуя перемен. Точкой невозврата стали события на Путиловском заводе...

Артур с трудом удерживал внимание на лекции. По классу ползли едва уловимые шепотки. Он наклонился ближе к соседке:

– Извини. Я не хотел, чтобы у тебя были проблемы.

– За что ты извиняешься? – шёпотом удивилась Рита, не отрывая взгляда от доски.

– Ты же сама сказала... – чуть громче, чем нужно возразил он.

Снова раздался щелчок указки.

– Комаров, – прервал Алексей Петрович свой рассказ про политический кризис. – Ещё одно замечание – и вылетишь!

– Извините.

Класс перестал хихикать и вернулся к своим делам. Артур посмотрел на Катю.

«Эта птичка только прикидывается канарейкой. Я вижу, с ней что-то не так!»

Катя, перехватив взгляд Артура, ободряюще улыбнулась ему и показала большой палец. Парень попытался ответить на улыбку, потянулся за тетрадь и уронил карандаш.

«Хватит позориться!»

Вспыхнув от стыда, Артур полез под парту.

– А расскажет тему прошлого урока нам... Комаров.

От неожиданности Артур резко выпрямился и со стуком приложился о крышку парты.

Класс взорвался новой волной хохота.

– Но, Алексей Петрович! – возразил он, встав и потирая затылок. – Меня ведь не было на прошлом уроке!

– Вот и прекрасно, – с тонкой, хищной улыбкой отозвался учитель. – Узнаем, чему тебя учили в другой школе.

Под тихие смешки одноклассников Артур поплёлся к доске. История никогда не была его сильной стороной. Похоже, сейчас состоится публичная казнь.

– Итак, Комаров. Назови мне автора манифеста тысяча девятьсот пятого года, учредившего Государственную думу.

Естественно, Артур понятия не имел. Он молчал, затравленно глядя в бледное, равнодушное лицо педагога.

– Молчишь?

«Да вот же он, на стенде, дурья башка!»

Внезапно чужая воля перехватила контроль над телом. Мышцы шеи сократились спазмом, и голову Артура рывком, будто кукольную, повернуло к стене с портретами. Взгляд насильно приклеился к одному из них. С лощёной бумаги на него строго взирал бородатый мужчина в мундире. Подпись гласила: «С. Ю. Витте».

– В... Витте? – выдавил Артур, решив довериться наваждению. Алексей Петрович удивлённо вскинул бровь.

– Допустим. Чем ещё ознаменовался тысяча девятьсот пятый год во внешней политике Российской и Японской империй?

«Ну, помирились они, что тут думать, неуч!»

– Мирный договор... Э-э-э... Подписали... – начал Артур, чувствуя, как потеют ладони.

– Конкретнее. Когда?

«Да буквально пять дней назад годовщина была!»

– Пятого сентября? – выпалил он раньше, чем успел подумать.

– А место?

Артур запаниковал. В голове было пусто.

«Город такой в Штатах есть! Портсмут! Там и подписали!»

– Эм-м... да... в США... Портсмут!

Кто-то в классе громко хмыкнул. Учитель болезненно поморщился, словно от скрипа пенопласта по стеклу.

– Портсмут, – поправил он ледяным тоном. – Но по сути верно. Садись, четыре.

Артур на ватных ногах вернулся на место. Рита проводила его долгим, изучающим взглядом, но промолчала.

– Перейдём к новой теме, – сухо бросил Алексей Петрович, с досадой отвернувшись к доске. – Революции и Гражданская война.

Артур рухнул на стул, практически не слыша лекцию. Его колотило мелкой дробью.

Почему он помог? Зачем спас от двойки?

Глава 3: Сила

После английского по расписанию стояла физкультура.

Урок проходил в спортзале, расположенном в отдельном корпусе. Артур сидел в дальнем углу на скамейке, вертя в руках заветный лист – справку об освобождении.

Положив голову на ладонь, он наблюдал за игрой. Катя в оранжевой форме ловко принимала подачи и мощно гасила мячи над сеткой. На её предплечье алела повязка капитана. Рыжие волосы металась из стороны в сторону, как всполохи пламени.

– Давай, Катюха, покажи им! – орал кто-то с трибуны.

Молодая учительница периодически дула в свисток. Звуки шлепков по мячу отражались от стен. Кроссовки пронзительно визжали на лакированном полу. Внезапно дверь раздевалки распахнулась, и оттуда вразвалочку вышел Максим в широких шортах и баскетбольной майке.

Встречаться с ним сейчас хотелось меньше всего. Артур вжался в стену. Стараясь слиться с окружением, он попятился к неприметному тёмному проёму в углу зала.

Там обнаружили бетонные ступени, ведущие вниз, в подвал. Из глубины доносились глухие удары и тяжёлый, лязгающий звон железа. Из двух зол Артур выбрал неизвестность. Оглянувшись на Максима, он шмыгнул туда.

Внизу располагался просторный квадратный зал, залитый резким, хирургическим светом люминесцентных ламп. В воздухе смешалась густая смесь пота, резины и железа.

В центре возвышался ринг, где два парня в шлемах яростно выбивали друг из друга дух. Справа царил лязг: местные атлеты ворочали штанги, от веса которых грифы едва ли не прогибались дугой. Слева, в зоне единоборств, пол был устелен синими матами, а с потолочных балок свисали тяжёлые кожаные мешки.

Около одного из них работала знакомая фигура. Красные шорты, чёрный спортивный топ, на руках – перчатки. Две тугие косы хлестали по спине, как плети. Серии быстрых, пулемётных ударов руками сменялись дробящими хай-киками. Стокилограммовый мешок под её напором складывался пополам и жалобно стонал цепями.

Артур сделал неуверенный шаг вперёд, но тут же отлетел в сторону, врезавшись спиной в стопку матов у стены.

Мимо, как бронепоезд, пронёсся здоровенный светловолосый парень. Выглядел он внушительно: плечи шириной как раз с дверной проём, маленькая голова держалась на бычьей

шее, а лицо – словно грубо высеченное из гранита. Даже не заметив столкновения, он пересёк зал и встал перед Ритой.

Девушка не обращала на него ровным счётом никакого внимания. Её взгляд из-под тени всклокоченной чёлки был сфокусирован на точке удара.

– Карпова! – гаркнул парень, перекрывая шум зала.

Рита даже не сбилась с ритма, продолжая избивать снаряд.

Но «бронепоезд» не сдавался. Он шагнул вплотную и нагло остановил мешок ладонью. Рита по инерции нанесла ещё один удар, покачнулась и замерла.

Она медленно повернула голову, нахмурилась сильнее и с отвращением произнесла:

– Чего тебе, Евгений?

– Я тебя в который раз спрашиваю, – набычился тот. – Будешь со мной *мутить*?

Лязг железа прекратился, и последние слова повисли в вязкой тишине. Зал уставился в их сторону, словно ожидая продолжения «Санта-Барбары».

«Вот так, в лоб? Что за примат!»

Девушка не смутилась и не покраснела, лишь молча смотрела на ухажёра. Артуру показалось, что в её взгляде смешались отвращение и стыд.

Так и не дождавшись реакции, Евгений продолжил, неуклюже стараясь смягчить тон:

– Ты мне нравишься. Это... давай будем встречаться?

В ответ – лишь вздох. Тут Рита наконец заметила Артура. Её зрачки слегка расширились, уголки губ чуть дёрнулись, а плечи едва заметно приподнялись. В этом читалось: **«Извини, что тебе пришлось это наблюдать. Я сама готова сквозь землю провалиться».**

– Скажи уже что-нибудь! – не выдержал Евгений.

Он стоял спиной к Артуру, но в хореографическом зеркале справа был виден профиль – губы плотно сомкнуты, крылья носа напряжены.

– *Dégage de moi, epculé!* – рявкнула она и добавила с ядовитой вежливостью: – Пардон за мой французский!

Резко оттолкнув назойливого кавалера в сторону, Рита врезала ногой с разворота по мешку. Удар был такой силы, что снаряд отлетел, натянув цепи крепления до предела.

Затем она резко повернула голову к зрителям и рявкнула:

– На что уставились, придурки?

Зал снова ожил. Загремели тренажёры, взлетели штанги, те, кто застыл с гантелями, поспешно начали их поднимать.

Евгений переваривал информацию несколько долгих секунд, а потом тупо произнёс:

– Чё? Я не понял. Так ты согласна?

– Мне что, по-русски повторить? – выдохнула она, продолжая молотить мешок так, что от звуков ударов звенели стёкла в узких окнах под потолком. – Ты. Мне. Не. Нравишься! Так. Понятно?

– Женька, ты хоть в курсе, как она тебя назвала? – насмешливо крикнул какой-то подстрекатель из глубины зала.

А потом перевёл дословно.

Евгений внезапно схватил девушку за запястье.

Зал замер.

– Клешню. Свою. Убрал, – отрезала Рита.

Артур нерешительно двинулся вперёд, чувствуя вспышку возмущения.

«Ты, рыцарь без страха, упрёка и... мышц. Снова хочешь отправиться в больницу?»

– Чё сказала?! – взревел Евгений, дёрнув её руку на себя.

Рита не стала терпеть. Она резко пнула его в голень. Евгений качнулся, теряя равновесие, и тут же пропустил жёсткий хук правой в челюсть. Не дав опомниться, девушка пнула в голень.

Грохот.

Оба рухнули на маты, но Рита, используя инерцию падения, мгновенно оказалась сверху, прижав соперника к полу. Короткий, злой удар в лицо заставил Евгения разжать ладонь и наконец отпустить «добычу».

– Rita wins! **Fatality!** – брутальным басом, подражая диктору из игры, констатировал один из качков.

И тут воздух распорол пронзительный свист. Все как по команде повернули головы к выходу. На пороге стоял огромный, похожий на медведя мужчина: пышные усы, синее борцовское трико поверх футболки, свисток в зубах. Его вид не предвещал ничего хорошего.

– Что за шум? Ни на минуту нельзя одних оставить! – возмутился он, вынув свисток изо рта. – Это что тут за Мерлезонский балет? Карпова, встать!

– Егор Степанович! – обиженно воскликнула Рита, вскочив. – Он опять ко мне приста-вал!

Тренер перевёл тяжёлый взгляд на Евгения – тот медленно поднимался с пола, держась за лицо. Вид у «гранита» был помятый. Если бы не перчатки, перелом челюсти был бы гаран-тирован.

– Евгений! Живой? – сухо поинтересовался Егор Степанович. – Это последнее китай-ское предупреждение! Ещё одна выходка – и вылетишь из секции. Иди, приложи холодное и умойся!

Женёк угрюмо кивнул и, пошатываясь, побрёл к раздевалке, провожаемый насмешли-выми взглядами.

Артур выдохнул.

– А ты, Карпова! – Тренер развернулся к Рите, скрестив руки на мощной груди. – Ещё один удар вне ринга – и о соревнованиях можешь забыть! Я *доступно* объясняю?

– Хорошо, Егор Степанович, – буркнула девушка, виновато опустив голову.

– Я всё видел! – неожиданно громко сказал Артур, сделав шаг вперёд. Голос предательски дрогнул, но внутри klokотало возмущение. – Он первым начал. Схватил её за руку и дёрнул. Это была самооборона.

Тренер медленно повернул голову и посмотрел на него сверху вниз, словно медведь на неожиданно заговорившего зайца. Выдержал паузу, а потом прогудел:

– Мальчик, ты вообще кто такой? Тут тебе не библиотека! Шёл бы ты отсюда подобру-поздорову.

Артур открыл рот, чтобы возразить, но вмешалась Рита. Она быстро шагнула вперёд, заслонила его:

– Он со мной. Просто посмотреть. Егор Степанович, можно он тут посидит? Он не будет мешать. Пожалуйста.

Мужчина картинно возвёл глаза к закопчённому потолку, словно прося у высших сил терпения, пошевелил пышными усами и, наконец, махнул широкой ладонью:

– Ладно! Но чтобы я его не слышал, и под ногами не путался! А ты – отдыхай.

– Спасибо. Пойдём. – Рита кивнула Артуру и потянула его к скамейке в дальнем углу.

Рядом под несоразмерной ему штангой кряхтел маленький, но крепко сложенный бело-брысый паренёк. Едва Рита подошла, он потерял равновесие, уронил тяжёлый гриф себе на грудь, и беспомощно забарахтался, как перевёрнутый жук.

– Славик, ну ты и debil, – беззлобно вздохнула Рита, играючи помогла ему поднять штангу на стойки. – Кто же без страховки такой вес жмёт?

Славик сел, отдуваясь, и уставился на Артура. Глаза у него были ясные, небесно-голубые и наивные, словно у котёнка. Потом широко улыбнулся и протянул ладонь:

– Здорóво! Тебя как зовут?

Артур представился и ответил на рукопожатие. И едва сдержал гримасу боли. Хватка у нового знакомого оказалась что надо.

– Ладно, всё, брысь отсюда, не мешай, – цыкнула Рита, и паренёк мгновенно испарился.

Девушка устало опустилась на скамью, достала из-под неё спортивную сумку и извлекла бутылку воды.

– Ты, это, чего тут делаешь? – поинтересовалась она, откручивая крышку.

Артур сел рядом, выждал, пока она сделает несколько жадных глотков, а потом ответил:

– Просто стало любопытно, что это за место.

– Как видишь, ничего интересного. – Она криво усмехнулась, убрала воду и достала махровое полотенце. – Обычная подвальная качалка. Но иногда бывает цирк с конями... и *гориллами*.

Последнее слово она произнесла, нахмутив брови и сдавив бутылку. Артур отшатнулся от вылетевшей струйки.

– Здорово ты его швырнула, – проговорил парень, – Он тебя часто достаёт?

– А ты хочешь с ним об этом поговорить? – фыркнула она, вытирая пот со лба.

– Нет, просто... – Артур замялся. – Ну, ты такая сильная. Давно ты... занимаешься боксом?

Рита на мгновение замерла, уткнувшись лицом в полотенце. Плечи её напряглись.

– Нет. Всего г... год, – глухо произнесла она из-под ткани. – До этого я ходила на карате.

– А почему вдруг решила сменить стиль? – поинтересовался Артур.

«Ну хватит её допрашивать, идиот! Видишь, ей нехорошо от твоих расспросов?»

– прошипел голос в голове.

– Я не решала, – ответила Рита, наконец убрав полотенце от лица. Её глаза блестели. – Так вышло, что мой сэнсэй... тренер... – Она не договорила, опустив голову.

Артур поспешил сменить тему:

– Ты ведь не просто так тренируешься? Какие-то планы?

– Да. – Рита слабо улыбнулась. – Планирую поступить в институт Лесгафта. Это в Питере.

– Питер... – повторил Артур, вспоминая, как был там с отцом в детстве.

– А ты? – спросила Рита, повесив полотенце на шею. – Куда поступать планируешь?

– Я пока не решил, – честно признался он. – Не думал об этом.

Он замолк, снял очки и принялся нервно протирать их краем рубашки.

Рита хлопнула его по плечу. Артур вздрогнул и залился краской.

– Уверена, у тебя всё получится!

Артур водрузил очки на нос. Она широко и совсем непривычно улыбалась.

– Спасибо, – сказал он, чувствуя прилив тепла. – Ты сильная, ты тоже со всем справишься!

Улыбка Риты мгновенно погасла, будто щёлкнули выключателем. Девушка отвела взгляд.

Помолчав, она, качнув косами, кивнула на лестницу:

– А ты почему, кстати, не играешь со всеми? Чего в подвал полез?

– Мне нельзя. У меня освобождение.

Рита понимающе спросила:

– Что, мотор барахлит? Или астма?

– Нет... – Артур замялся. – Не с сердцем. С головой проблемы.

Он сжался, ожидая, что Рита отшатнётся. Что в её глазах появится страх или брезгливость. Или, что хуже, жалеть начнёт. Но ничего этого не произошло. Вместо этого она вдруг усмехнулась – криво, по-свойски.

– У меня тоже. Сам видел. Когда перекрывает, вообще себя не контролирую.

– Ты не поняла. Это не фигура речи... – Он тщательно подбирал слова. – У меня...

– Да поняла я, – отрезала она, глядя ему прямо в глаза. – Знаешь что? Будь хоть шизофреником – ты всё равно нормальнее всего этого зоопарка.

– Эй, Карпова, на кой тебе сдался этот хоббит? – лениво поинтересовался короткостриженный чернявый парень, развалившийся с приятелями на соседней скамье. – Айда к нам!

– *Enfonce ta bite dans ton cul, enfoiré!* – яростно выплюнула Рита. Затем выдохнула, повернулась к Артуру и совершенно кротким тоном добавила: – Извини за мой французский.

Тот самый знаток с галёрки, который ранее комментировал бой, дико заржал. Видимо, оценил красоту слога. Остальные ничего не поняли.

– А за что ты извиняешься? – удивился Артур. – Это ты их так отругала?

– Нет, я предложила ему... – Она густо покраснела, поперхнулась и махнула рукой. – В общем, неважно.

– Слушай, в любом случае звучит очень красиво, – искренне восхитился парень. – Откуда ты всего этого набралась?

– Только не вздумай повторять это на улицах Парижа, – хихикнула она, пряча пунцовое лицо в полотенце. – Наш «француз» приходит на уроки вечно под мухой и матерится, как марсельский портовый грузчик. Не знаю, как его ещё держит директор, но словарный запас он нам обогатил знатно.

Артур представил эту педагогическую поэму и прыснул в кулак.

Остаток перемены они просидели на скамейке, болтая обо всём и ни о чём. Даже тварь в голове притихла, словно тоже наслаждалась передышкой.

Когда прозвенел звонок, Рита махнула на прощание и упорхнула в женскую раздевалку. Артур же остался сидеть. Он решил выждать десять минут, пока мужская опустеет.

Внутри воняло пбтом и тухлыми носками. Поморщившись, Артур взял сумку и повесил на плечо. Было глупо оставлять её тут. К счастью, вещи никто не тронул: видимо, не поняли, кому они принадлежат. Иначе пришлось бы снимать с баскетбольного кольца или собирать разбросанное по всей раздевалке.

У выхода он остановился и посмотрел в зеркало. Светлые пряди почти сливались с бледной кожей. За стёклами очков блестели серые глаза, обрамлённые тёмными кругами хронической усталости.

«Вообще-то, я оскорблён! Не слышу слов благодарности, Артур. Где спасибо?»

«Ну началось» – подумал парень, схватившись за волосы.

Чтобы хоть как-то отделить этот голос от себя, Артур дал ему имя – Гон. Так звучало короче и точнее, чем «Голос в башке», «Таракан» или «Диагноз».

– Потому что ты меня достал, Гон! – одними губами прошептал он своему отражению. – Свали! Хватит издеваться.

«Издеваться? Неблагодарная ты скотина. Кто тебе только что задницу спас на истории? Витте, Портсмут... Если бы не я, ты бы так и стоял там, пуская слюни, пока класс ржал».

– Я не просил тебя помогать, – огрызнулся Артур.

«О, конечно! Ты предпочитаешь быть посмешищем. Жертвой. Это же так удобно – оставаться ничтожеством, которого все пинают».

– Заткнись. Из-за тебя я чувствую себя психом.

Артур нахмурился, глядя в зеркало. Отражение повторило выражение, но затем уголок рта против воли дёрнулся вверх в глумливой ухмылке.

«Да, ты псих, – примирительно прогудел Гон, – Но слабак ли? Та девчонка, Рита, она ведь сразу поняла: в тебе есть что-то ещё. Иначе зачем вообще ей вдруг про силу говорить?»

– Ну почему эти таблетки закончились именно сегодня! – простонал парень.

Отражение в зеркале картинно закатило глаза. Артур почувствовал, как его собственные глазные яблоки повернулись в орбитах, повинувшись чужому импульсу. Голос в голове захохотал: *«Ха-ха-ха-ха! Снова эти глупости. Нет, так просто ты от меня не избавишься. Я твоя самая жизнеспособная часть. Ты же помнишь, к чему привели попытки „вылечиться“ в прошлый раз?»*

Он помнил. Слишком хорошо. Шум воды. Холодный белый кафель, впивающийся в лопатки. Лезвие из точилки. И густые, тёмные, как дым, разводы в розовой воде.

– Не напоминай. В этот раз всё будет иначе.

«Конечно, иначе. Потому что теперь я не дам тебе сдохнуть. Я нужен тебе, Артур. Признай это».

– Никогда. Исчезни.

«Как грубо. Кстати, пока ты ныл, нас подслушивали».

– Кто?

«Обернись. И постарайся не выглядеть как идиот, разговаривающий с зеркалом».

Артур повернул голову и напрягся.

– Я, конечно, понял, что ты псих, но не до такой же степени, – хмыкнул уже переодетый Максим, оценивающе глядя на отражение Артура. Заметив, как тот вздрогнул, добавил: – Не волнуйся, я девочек не бью. Но могу сделать исключение.

– Чего тебе? – спросил Артур, нервно сглатывая.

– Послушай, очкарик, – манерно протянул Максим, подойдя ближе. В его голосе звучало скучающее снисхождение. – Не ссы. Я сегодня в хорошем настроении. Просто напомню расклады. Тебе, наверное, плохо объяснили правила игры.

– Какие ещё правила?

Артур почувствовал, как коленки предательски задрожали. Его оппонент явно считывал этот страх и наслаждался им.

– Дело в том, что это моя школа. А ты тут просто мусор. Червь под ногами. Не смей больше выпендриваться – и тебе дадут жить спокойно. Всё же довольно нетрудно, верно?

«Если парень действительно крутой, ему не нужно читать лекции о своём величии, – холодно заметил Гон. – Не бойся, Артур. Этот „царёк“ просто пытается сохранить контроль над своим „королевством“».

Наступило молчание.

– Ты меня понял?

Максим слегка нахмурил брови. Он ждал извинений, оправданий или мольбы, но Артур не проронил ни слова. Пауза затягивалась.

– Ладно, допустим, – продолжил «Король», чуть сменив позу. – Ты поднял руку на меня, но получил в ответ. Скажи спасибо Карповой: если бы не она, я бы тебя там вообще убил. А так... будем считать, квиты.

«Хочет казаться великодушным королём. Бессмысленный гонор. Умоляю, не ведись. Он ищет твою слабость. В конце концов, что ты теряешь?»

В памяти всплыл тот момент отчаяния и неуклюжая попытка дать сдачи. И правда. Чего тут бояться?

Дрожь в ногах прекратилась. Артур продолжал тихо, исподлобья смотреть на соперника.

– Сказать нечего? Ну лады, тоже верное решение, – усмехнулся Макс, оценив тактику. – Иногда лучше громко молчать, чем тихо твякать.

Он уже взялся за ручку двери, но обернулся:

– Кстати, да, насчёт Карповой. Слушай, ничтожество, держись от неё подальше, ладно? Это не просьба.

«Её мнения, разумеется, никто не спрашивал».

Артур не проронил ни слова.

– Я предупредил! – бросил Макс и вальяжно покинул раздевалку.

– Умеет же она притягивать к себе придурков, – пробормотал Артур самому себе. – И всё же... это странно.

«Что именно?»

– Почему я всё ещё здесь? – спросил Артур у отражения. – Если это школа его отца, он мог бы вышвырнуть меня щелчком пальцев. Зачем приходить и угрожать лично?

«Ты и правда слепой?»

Артур приподнял бровь, ожидая пояснений от своего «квартиранта».

«Всё дело в его уязвлённом самолюбии, – менторским тоном пояснил Гон. – Представь, все будут шептаться: „Богатого сына ударил нищий новичок, и тот побежал жаловаться папочке“. Это позор».

– То есть он боится показаться слабым?

«Именно. Он не может тебя выгнать, пока не уничтожит морально. Он должен доказать себе и свите, что ты просто грязь под ногтями. Иначе то унижение в коридоре будет жечь его эго вечно. Он оставил тебя, чтобы играть, как кошка с мышкой».

– Звучит обнадеживающе, – саркастически хмыкнул Артур. – А тот амбал, Евгений? Он же открыто клеился к Рите. Почему Макс его не трогает?

«По той же причине, почему король не казнит придворного шута. Евгений ему не соперник. Макс знает, что у тупого качка нет шансов. Он просто наслаждается зрелищем, как Рита отшивает идиотов, теша себя надеждой, что уж он-то особенный. К тому же наш Максик очевидно умеет прыгать только на менее сильных».

– Значит, пока я для него никто, мне ничего не грозит? – уточнил Артур.

«Грозит. Унижение, побои, травля. Но убивать или исключать тебя пока не станут. Наслаждайся моментом, Артур. Ты попал в террариум, но, кажется, ты ещё не понял. Мы тут самые ядовитые гады».

Глава 4. Разрыв

Автомат с неохотой проглотил мятую купюру, натужно загудел, помигал лампочками и, наконец, выплюнул в лоток шоколадный батончик. Артур достал добычу и развернул шуршащую обёртку.

– Приятного аппетита! – раздался прямо над ухом звонкий девичий голос.

Парень подпрыгнул и резко обернулся, чуть не поперхнувшись. Перед ним сияла Катя. Она уже успела сменить причёску: теперь вместо лисьего хвоста её рыжие волосы были собраны в два задорных хвостика. К груди она прижимала пухлую папку, а на плече висела объёмная сумка, густо усеянная разноцветными значками всех форм и размеров.

Ошеломлённый её улыбкой, парень поспешно проглотил непрожёванный кусок и растерянно проблеял:

– П-привет! Тебе что-то нужно?

– Мне нужен ты! – безапелляционно заявила она, ткнув в него пальцем. – Матвей Андреич сказал срочно тебя найти! Завтра привезут твои вещи и выдадут форму. А ещё он попросил показать тебе комнату! Ну ладно, не просил, я сама вызвалась, ты теперь в зоне моей персональной ответственности! Будет очень нехорошо, если ты заблудишься, перепутаешь корпус, заберёшься в душ к девочкам или, того хуже, попадёшь в лапы к нашей медсестре! Поверь, последнего лучше избегать любой ценой, она такая страшная! Уж лучше тогда не болеть, я вот, когда температура поднимается, стараюсь терпеть, потому что не хочу, чтобы меня измеряли!

Артур моргнул, пытаясь осознать этот информационный цунами. Катя говорила со скоростью пулемёта, перескакивая с мысли на мысль.

– Э-э-э-э... Ну хорошо, Катя, – выдавил Артур. – Покажешь дорогу?

– Идём-идём-идём! – весело воскликнула она и, не терпя возражений, схватила его за руку.

Они вышли из главного корпуса, миновали ворота, ведущие на уже знакомую тропинку через сад, свернули за угол и двинулись по широкой асфальтированной аллее. Впереди из-за густых крон деревьев выглядывали два трёхэтажных здания в стиле сталинского ампира – монументальные, с колоннами и лепниной.

В воздухе витали последние запахи уходящего лета, было тепло и безветренно. Они шли в тенистой прохладе аллеи.

– Ты такой смешной, – хихикнула Катя, искоса поглядывая на спутника. – Похож на моего младшего братишку, когда он только учился ходить. Такой же неуклюжий и милый.

«Она считает тебя жалким», – сухо констатировал голос в голове.

Артур лишь хмыкнул, ничего не ответив. Ни мысленно, ни вслух.

– Эй, ну как так?! Ну ты что, неужели обиделся на меня? – Катя резко остановилась, преградив ему путь, и ухватила Артура за руку обеими ладонями, заглядывая в лицо.

– Нет-нет! – поспешно возразил он, чувствуя, как краснеют уши. – Я просто задумался.

Катя стояла слишком близко. От неё пахло чем-то сладким, ванильным и цитрусовым. Артуру стало жарко.

«Я не могу её прочитать. Она словно белый шум. Что-то скрывает. Держись от неё подальше, Артур».

«Да всё хорошо же! Она просто дружелюбная!» – мысленно отмахнулся парень.

«Делай как знаешь. Только потом не ной, что я не предупредил».

– Артур? – забеспокоилась Катя, заметив его остекленевший взгляд. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Парень тряхнул головой, прогоняя наваждение.

– Я в порядке, – ответил он, выдавив улыбку. – Просто вспомнил кое-что.

– Давай присядем? Отдохнёшь – лучше станет! Я всегда так делаю, когда чувствую себя нехорошо. Вон скамейка!

Артур даже возразить не успел. Они устроились на лавочке с витиеватыми чугунными ножками. Парень откинулся на спинку и посмотрел вверх. Сквозь кружево листвы проглядывала бесконечная синева неба, где крошечный самолёт чертил белую полосу. Солнце клонилось к закату, заливая парк уютным золотом.

– А как ты... стала старостой? – вдруг спросил парень.

Катя рассмеялась, а потом пояснила в своей манере:

– Странный такой! Это же очевидно! Потому что я старшая! Кто-то же должен быть старшим, верно? У меня день рождения в августе был, исполнилось восемнадцать, представляешь? Я совсем-совсем взрослая теперь! Могу пить, курить и даже гулять по ночам! Но только ты не подумай! Нет-нет-нет, ты же не подумал, что я этим занимаюсь?

«О, ну теперь я официально могу называть её женщиной!»

Артур задал логичный вопрос:

– А как так вышло?

– Ой, тут такая история, представляешь, я осталась на второй год, потому что...

Поток речи внезапно оборвался. Она чуть дёрнула глазами, а потом продолжила:

– Сестрёнка заболела, и мне было совсем-совсем не до учёбы! Но сейчас с ней всё хорошо, она даже меня навещает иногда! Но что всё обо мне да обо мне! Давай-ка лучше расскажи, успел подружиться с кем-нибудь? – как бы невзначай поинтересовалась девушка, болтая ногами в воздухе.

– Да я тут почти никого не знаю. Только тебя, Риту... ну и Максима, к сожалению.

– Фаталити, – произнесла Катя. Её губы дрогнули.

Артур повернул голову.

– Это прозвище Карповой, – пояснила она невинным тоном. – Ну как в Mortal Combat, играл ведь?

«Слушай, как-то странно, она тараторит даже перестала...»

– Угу, – кивнул парень.

– Она умеет делать больно. Поэтому её так и прозвали. Но знаешь... – Катя вдруг понизила голос и наклонилась ближе, доверительно коснувшись его плеча. Большие янтарные глаза блестели, – Я тебе как староста говорю, чисто из заботы. Тебе лучше с ней не водиться. Она ведь... ну, нестабильная. Неуравновешенная. Опасная.

«Что-то тут неладно, уходи от ответа!»

– Да нет же, – горячо возразил Артур. Ему хотелось защитить новую подругу от несправедливых ярлыков. – Она нормальная! Просто у неё сложная жизненная ситуация.

«Зачем ты ей это рассказываешь? Сейчас же замолчи!»

– Сложная ситуация? – переспросила Катя. Внезапно её взгляд метнулся за спину Артура. Глаза хитро прищурились.

«Заткнись. Замолчи сейчас же! Это ловушка!» – вдруг взвизгнул Гон. Но Артур уже не мог остановиться.

– Ты хочешь сказать, у неё с головой проблемы? – громче, чем следовало, спросила Катя.

– Ну... она сама мне сказала, что не может себя контролировать, – честно признался Артур, имея в виду их недавний разговор по душам. – Сказала, что у неё тоже бывают срывы. Она это признаёт.

Катя выпрямилась. И вдруг произнесла – звонко, чётко, на всю аллею, словно объявляла остановку в метро:

– Значит, ты говоришь, что Карпова сама призналась тебе, что она психованная истеричка?

– Ну... В каком-то смысле... Но я не это имел в...

– Вот урод, – раздался тихий голос прямо за спиной.

Артур обернулся. Рита нависала в двух шагах и смотрела на него сверху-вниз, не опуская головы.

«Какой же ты тупица!»

– Рита, я не... Я пытался объяснить, что...

– Я думала, ты другой, Комаров! – перебила она тихо, но уж лучше бы кричала. – А ты, оказывается, ничем не лучше Козлова!

– Рита, стой!

– Не приближайся ко мне, – отрезала она. – Слабак. Гнус. Connard!

Фаталити резко развернулась и быстрым шагом направилась к корпусам общежития, сжав кулаки и даже не взглянув на болтающую ногами и крутящуюся на лавочке Катю.

Артур хотел вскочить, догнать, схватить за руку и всё объяснить, заставить её выслушать, но тело не слушалось. Он лишь бессильно откинулся на спинку скамейки, провожая взглядом удаляющуюся фигуру.

«Стой, – жёстко скомандовал Гон. – Не дёргайся. Уже поздно пить боржом! Ты сделаешь только хуже».

Артур медленно повернул голову и посмотрел на Катю. Та сидела и улыбалась как ни в чём не бывало, крутя локон одного из хвостиков.

– Поэтому у неё друзей-то и нет. – Староста беспечно пожала плечами. – Никогда не было. Ты уж прости, что вывела её на чистую воду. Может, у вас симпатия какая-то была, но уж поверь мне: от неё ничего хорошего ждать не приходится. Сама придумала – сама обиделась.

«А я предупреждал. Я предупреждал тебя, что эта девка не такая простая. Но ты не слушал».

– Всё хорошо? – заволновалась Катя, заглядывая ему в лицо с самым невинным видом.

– Да, – холодно бросил Артур и резко встал. – Давай сюда папку.

Катя, ничуть не смутившись переменой его тона, протянула документы.

– Там ключи, карта территории, пропуск, расписание. Твоя комната – триста вторая, мужское общежитие слева. Третий этаж. Не заблудись!

Артур молча вырвал папку из её рук.

– Дальше я сам.

Он развернулся и быстро пошёл прочь по аллее. Ему отчаянно хотелось верить, что она сделала это не специально. Что это чудовищное совпадение. Но тот хищный блеск в глазах за секунду до... Нет, не может быть. Она же улыбалась так искренне. Или нет?

– Ну что ж, удачи, Артур! С первым тебя днём! – Голос старосты прозвучал ему в спину пугающе буднично.

Быстрым шагом он пошёл к общежитиям.

«Скажи мне одну вещь».

«Какую?» – мысленно огрызнулся Артур.

«Ты идиот? Зачем ты вообще рот открывал? Я же подавал тебе знаки».

«Зачем ты спрашиваешь, если сам знаешь ответ? Ты же в моей голове...»

«В этом и проблема: я знаю. Ерунда. Мы всё исправим. Если ты начнёшь меня слушать. Мы выведем эту рыжую лицемерную тварь на чистую воду».

«Всего сутки без таблеток, а ты мне уже поперёк горла!» – в сердцах подумал Артур, с силой пнув попавшийся под ноги камень.

«Неблагодарный щенок! Отключаюсь».

Голос стих, оставив после себя лишь гулкую пустоту и нарастающую головную боль.

Оказавшись между двумя зданиями, Артур сразу сообразил, какое общежитие мужское, а какое – женское. Достаточно было взглянуть на вывешенное из окон бельё и настенные надписи, от содержания которых покраснел бы сам Есенин.

Тяжело вздохнув, Артур толкнул дверь, обитую ржавой жестью, и очутился в самой мерзкой и вонючей клоаке, какую только видел. В нос ударил запах сырости, известки и чего-то тухлого. Зелёные облупленные стены, свисающие с увешанного тенётой потолка гирлянды проводов освещались единственной тусклой лампочкой Ильича в застеклённой будке.

Внутри, как паук в банке восседала вахтёрша. Полная пожилая женщина в синем фартуке. Покрасневшие глаза под кустистыми бровями прятались за стёклами толстенных очков. Она отвлеклась от вязания, окинула Артура оценивающим взглядом и спросила:

– Мальчик, ты кто? Пропуск есть?

– Я... я новенький! – пролепетал он, прижимая к груди документы, которые дала Катя.

– Какой ещё новенький?! Пропуск где? – повторила старуха, не сбавляя громкости.

– Так я же тут в первый раз... Я только приехал...

– Младой чилавек! Ты мне тут сказки не рассказывай! Как на территорию пробрался? Сейчас охрану вызову!

Артур окончательно растерялся. Под этим напором мысли разбежались. Он уже пятился к выходу, когда плечо обожгло ударом тяжёлой ладони.

– О, здорóво!

Артур едва не сложился пополам. Он обернулся и увидел маленького белобрысого паренька с короткой стрижкой-ёжиком. Школьная форма висела на нём мешком. Это был Славик, тот самый «котёнок» из тренажёрки.

– Здравсьте, Зоя Михайловна! – бодро, на грани наглости поздоровался он с «Паучихой».

Вахтёрша замерла, нахмутив кустистые брови. Её взгляд переместился на парня, и суровости в нём поубавилось.

– Твой приятель, что ли, Смирнов? – осведомилась старуха. – Велено не пущать никого постороннего!

– Послушайте! – громко произнёс Артур. – Мне сказали, что я буду жить в комнате триста два!

– О! – обрадовался Славик. – Значит, со мной будешь?

Зоя Михайловна недоверчиво хмыкнула, прослунявила палец, перелистнула несколько страниц потрёпанного журнала и воскликнула:

– Так это ты, что ли, Комаров-то? Тьфу! Никто не предупредил даже!

Тут до Артура наконец дошло. Он открыл папку и, испытывая жгучий стыд от собственной заторможенности, достал пластиковую карточку с фотографией.

– Ну ладно, – умиротворённо произнесла она, с прищуром рассмотрев изображение и сверив с бледным оригиналом. Потом взяла ручку и что-то записала в журнале. – Славик, нука, комнату-то покажи!

– Идём! – бодро произнёс Славик.

Они поднялись на третий этаж и очутились в длинном, узком коридоре, от которого в обе стороны отходили жилые блоки. Чёрные, спутанные клубки проводов под потолком напоминали переплетения шупалец чудовища и становились всё гуще. Сверху доносилось угрожающее электрическое гудение.

«Удивительно, что никого ещё не убило током, а эта дыра не сгорела от короткого замыкания» – подумал Артур.

Проходя мимо открытой двери в душевую, Артур чуть не упал в обморок. Хватило одного взгляда на ржавые лейки, из которых монотонно падали капли, и на выломанную дверь в туалет, чтобы понять уровень комфорта.

– Меня одно волнует, – не выдержав, спросил он, едва сдерживая отвращение. – Почему в этом, без сомнения, элитном месте всё такое...

– Убогое? – метко закончил за него Славик, пожав плечами. – Я уже привык. Даже внимания не обращаю.

– А где тогда живут такие, как Максим Козлов? Не думаю, что они будут мыться тут.

Проходя мимо одного из парней с полотенцем на плече, Славик хлопнул того по ладони в знак приветствия и ответил Артуру:

– Не, ты чё? Макс с батей живёт. Ты когда ехал сюда, может, видел, какой у них домяра на холме. Замок целый.

По правде говоря, Артур почти всю дорогу спал и проснулся только тогда, когда таксист его растолкал.

– А что насчёт других мажоров? – поинтересовался Артур.

– Богатые живут отдельно, в коттеджах у озера. У них там свой мирок, евроремонт и всё такое. Может, как-нибудь мимо проходить будешь – поймёшь. А простые смертные, вроде нас с тобой... Сам видишь. Добро пожаловать в гетто.

Вместо ответа Артур только тяжело вздохнул.

Они достигли конца коридора, упирающегося в заколоченную стеклянную дверь на балкон, и свернули направо, в тёмный тупичок. Здесь были две двери. На одной из них кто-то чёрным маркером вывел размашистый знак анархии в круге.

Славик вставил ключ в замочную скважину соседней двери. Пара щелчков – и она со скрипом отворилась.

Зайдя, он с размаху ударил кулаком по выключателю, врубив свет. Разбитая люстра, повисшая под потолком на одном хлипком проводе, нервно мигнула и залила комнату тусклой, болезненной желтизной. За окном с выбитой форточкой догорал закат. Весь школьный двор был виден как на ладони.

Сама же комната больше напоминала тюремную камеру, разве что без решёток. Из мебели – только две железные двухъярусные койки с панцирными сетками. Между ними втиснулся обшарпанный деревянный стол с разномастными стульями. У входа в углу притулилась раковина, заваленная горой грязной посуды, и древний, рассохшийся буфет. Напротив входа натужно гудел старенький холодильник.

Славик с разбегу запрыгнул на второй ярус правой койки и с наслаждением закачался на пружинах, шумно выдыхая. Артур успел заметить, что нижнее место под Славиком тоже было застелено, тогда как на левой койке просто лежали свёрнутые полосатые матрасы.

– Тут живёт ещё кто-то? – удивился он.

Словно дожидаясь этого вопроса, дверь распахнулась, и внутрь шагнул высоченный мускулистый парень в краповой тельняшке и чёрных трениках. Артур похолодел. В горле пересохло. Это был тот самый «бронепоезд», который полчаса назад «отдыхал» на полу в спортзале. Лицо кирпичом, маленькие, глубоко посаженные глаза. А на скуле наливался сочным фиолетовым цветом свежий синяк – сувенир от Фаталити.

Женёк мазнул по Артуру равнодушным, пустым взглядом. Очевидно, в спортзале он был так увлечён Ритой, что не запомнил лицо случайного свидетеля.

– Здорóво, – буркнул он, отворачиваясь к раковине. – Жрать охота.

– Твоя очередь мыть посуду, – напомнил Славик, свесившись с верхней койки и болтая ногой в воздухе. – Карточный долг – это святое!

Женёк что-то недовольно прорычал про «не фарт», но включил воду и принялся яростно намыливать тарелки. Его широкая спина в тельняшке закрывала обзор, нависая над раковиной, как гора. Артур, стараясь не отсвечивать, тихонько прошёл к свободной койке и стянул свитер с майкой.

– Ого, а я думал, ты покрепче будешь, – оценил Славик, глядя на торчащие рёбра соседа. – Скелет ходячий. Но ничё, успеешь ещё мясом обрасти. Жендос, прикинь, решил я такой взять сотку лёжа, да что-то не подрасчитал, и чуть не придавило! Хорошо, что Ритка была рядом, помогла выбраться. Кстати, Артур с ней остаток урока сидел на скамейке! О чём говорили-то хоть?

В руке Женька хрустнула тарелка. Стало пугающе тихо. Женёк медленно выключил воду, со звоном бросил осколки в раковину и развернулся всем корпусом. Тусклый свет лампочки отбрасывал тени на лице.

– В смысле – говорили? – тихо, почти шёпотом спросил он, вытирая мокрые руки о тельняшку.

Артур вжал голову в плечи, проклиная болтливость Славика.

– Ну... Мы просто сидели... разговаривали, – выдавил он.

– Разговаривали, значит? – Женёк сделал тяжёлый шаг вперёд и навис над Артуром. Его маленькие глаза сузились в щёлки.

Артур понял: врать нельзя. Почует страх – забьёт прямо здесь.

– Да. У меня освобождение. Я просто сидел рядом.

Женёк поиграл желваками, глядя исподлобья.

– Так ты там был? Всё видел?! И чё? Ржали надо мной, да? Обсуждали, какой я лох?

– Нет! – Артур испуганно выставил руки вперёд ладонями наружу. – Честно. Мы о тебе даже не говорили. Мы... французский язык обсуждали.

– Чё обсуждали? – Женёк опешил. Кулаки его плавно разжались.

– Французский. – Артур быстро закивал. – Она ругалась на нём.

Женёк завис, переваривая информацию. Сбой программы.

– Да ладно тебе, Жендос! – вовремя вмешался Славик, – Чё ты на парня наезжаешь? Он ровный. Мне пацаны сказали, он сегодня с самим Максом Козловым сцепился.

«Быстро же тут слухи ползут», – пронеслась в голове мысль.

Женёк медленно перевёл взгляд со Славика на Артура.

– С Козлом? – переспросил он, понизив голос. – Ты? С Максом?

– Ну... было дело, – уклончиво ответил Артур, поправляя очки. – Он у меня часы отобрал. Пришлось... возразить.

– И чё? – Женёк подался вперёд, нависнув над столом. Тарелки были забыты. – Кто кого?

– Ну, он меня ударил, – Артур коснулся ноющего места. – А я ему в ответ. Губу разбил. А потом он мне в челюсть...

Женёк смотрел на него ещё несколько секунд, лихорадочно соображая. А потом его каменное лицо вдруг расплылось в широкой, совершенно детской и довольной ухмылке.

– Козлу? По морде? – переспросил он с восторгом. – Красава!

Напряжение в комнате лопнуло как мыльный пузырь. Женёк с размаху хлопнул Артура по плечу так, что тот чуть не присел, а ноги подогнулись.

– Сам хотел чердак ему проломить, но трогать брезгую. Ходит, пальцы гнёт, тоже мне, хозяин жизни.

Артур шумно выдохнул, подумав: *«Кажется, общий враг объединяет людей куда крепче, чем общие интересы.»*

– Садись за стол, – скомандовал Женёк. – Сейчас чай пить будем. У меня стущёнка есть. Славик, доставай кружки!

Ужин был нехитрым: заваренный кипятком «Доширак», хлеб с маслом и дешёвый бисквитный рулет с химическим привкусом. Несмотря на это, Артур, у которого со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, ел с волчьим аппетитом.

Разговор зашёл о семьях. Славик с набитым ртом рассказывал про ферму родителей, Женёк – про отца, бывшего спецназовца, который сейчас держит в городе свой ЧОП.

– А у тебя кто? – спросил Женёк, с хлопаньем втягивая горячий чай. – Тоже, небось, военный? Или боксёр? Раз ты на Макса полез, значит, борзый.

Артур замер с кружкой у рта. Не хотелось об этом, но решил сказать правду.

– Нет. Мой отец журналистом был.

– И про чё он писал?

– Про криминал, – тихо, но твёрдо произнёс Артур. – Расследования вёл. Про мафию, про коррупцию.

– А, ну это другое дело. – Женёк перестал жевать, в его глазах появился интерес. – И где он сейчас?

Ответ висел в воздухе.

– Убили его, – коротко проговорил Артур, глядя в тарелку с остывающей лапшой. – Десять лет назад.

Женёк не стал делать скорбное лицо или опускать глаза. Он просто деловито кивнул, словно услышал про сломанную ногу.

– Завалили, значит? Ну, бывает.

Он громко отхлебнул чай, ставя точку в этой теме.

– Значит, батьки у тебя нет.

– Вроде того.

– Ну ничё. – Женёк смачно откусил кусок бутерброда. – Если обидит кто – звони. Приду, башню снесу!

– Женька, да он сам за себя постоять сможет! – произнёс Славик, убирая тарелку в раковину. – Помыть посуду, кстати, не забудь, а то я ведь тебя знаю!

– Да-да! – недовольно забурчал гигант и поднялся.

Узнав, что у Артура нет своего постельного белья, Женёк сбегал в прачечную на первом этаже и принёс хрустящий, пахнущий отбеливателем комплект.

– Держи. Сейчас закрыто, а у вахтёрши хрен допросишься, – хмыкнул он, передавая бельё. – Но замок там хлипкий.

– Спасибо, – озадаченно поблагодарил Артур.

«Он что, дверь сломал?»

– Пошли на балкон. Перед отбоем святое дело – воздухом подышать, – предложил Слава, доставая из кармана мятую пачку «Винстона».

– Прости, я не курю! – запротестовал Артур.

– Да ладно тебе, просто рядом постоишь! За компанию.

Артур на секунду прикрыл глаза, обращаясь внутрь.

«Гон?»

«Отстань, Гнус, я сплю!» – рявкнул голос в голове.

Гнус. Он запомнил. Он специально ударил именно этим словом.

Голос не проронил больше ни слова, оставив Артура наедине с эхом чужого оскорбления. Обиделся, что ли? Или просто копил яд на завтра?

Снаружи уже стемнело, на территории зажглись редкие фонари. В воздухе витал пряный вечерний аромат остывающей земли, смешанный с лёгким привкусом гнили от мусорных баков. Где-то в траве стрекотали сверчки, а со стороны озера доносилось кваканье лягушачьего хора.

Славик ловко выудил сигарету из мятой пачки и зажал её зубами. Щёлкнула крышка потёртой, выдавшей вида зажигалки Zippo. Завоняло табаком. Сделав глубокую затяжку, парень с наслаждением выдохнул дым в сторону от Артура.

– Ты же вроде качаешься, – удивился Артур, закашлявшись и брезгливо поморщив нос. – Спортсмен, все дела. Зачем тогда куришь?

Славик сделал ещё одну затяжку, глядя на огонёк сигареты, и произнёс:

– Я, если захочу, сразу брошу. Вообще без проблем. Просто сейчас нервы, сам понимаешь.

«Сто раз уже это слышал от отца» – вздохнул Артур про себя

– Ты из деревни? – поинтересовался он. – А часто ходил в лес?

– О, брат! Проще спросить, когда я оттуда вылезал, – усмехнулся Славик, стряхивая пепел. – Грибы, охота с батей, рыбалка... Но чаще всего – по дрова. А ты? Ты часто бывал в лесу?

На самом деле Артур был там единожды, совсем маленьким, и чуть не заблудился. Его нашёл отец – зарёванного, испуганного и изрезанного колючим кустарником.

– Да так, разок... Ну и тут, за воротами, вроде тоже большой лес.

– Пф! Да разве это большой? – фыркнул Славик. – Ты ни разу тайги не видал! Вот это лес! Можешь годами бродить и не встретить никого, кроме медведей. Впрочем, тебе пока и здешнего хватит. Хочешь, сходим как-нибудь? Я как раз знаю одну дыру в заборе, за стадионом, пацаны через неё за пивом гоняют!

– Можно, – кивнул Артур.

– Ладненько, мне ещё кое-куда сбегать надо, – сказал Славик, бросив бычок в консервную банку с кучей окурков. – Значит, так, выберешь себе койку, любую из свободных, – и падай. Отбой скоро.

Славик ушёл, хлопнув дверью и оставив после себя лишь шлейф табачного дыма.

Артур ещё минуту постоял в одиночестве, устремив взгляд на бетонную коробку медпункта вдалеке. В окне на втором этаже как раз погас свет. Странное чувство тревоги кольнуло сердце, но он отмахнулся от него.

Парень вернулся в комнату. Внутри уже было темно, горел только тусклый ночник у стола. На нижней койке, укутавшись в одеяло с головой, уже мощно посапывал Женёк.

Артур, стараясь не шуметь, кое-как расстелил на свободной кровати принесённое бельё. Простыня была жёсткой, казённой, но пахла чистотой. Он стянул джинсы, снял майку и, дрожа от ночной прохлады, нырнул под тонкое одеяло, почти сразу отключившись.

Глава 5.

Presto

Agitato

Наступила суббота. Впереди маячили полноценные выходные – шанс наконец-то осмотреться вокруг без спешки.

Утро началось с вызова на КПП. Курьер на старенькой синей «Буханке» выгрузил вещи Артура: гитару в чехле, ноутбук, стопку книг и баул с одеждой. Отдельно стояла небольшая коробочка с едой от мамы. На дне, среди банок с тушёнкой и сгущёнкой, обнаружился тонкий конверт с деньгами и запиской: «На первое время. Много не трать, больше не дам». Внутри – пара тысяч.

Заодно заглянули в хозблок. Там выдали форму: тёмно-синий пиджак оказался великоват в плечах, зато брюки сидели как влитые. Славик и Женёк с радостью помогли дотащить всё это добро до комнаты. После вчерашнего тело Артура ныло, особенно челюсть, напоминая о «диалоге» с Максом, но настроение было на удивление приподнятым.

По выходным разрешалось до наступления комендантского часа покидать территорию. Решив не терять времени, парни загрузились в дребезжащий пазик и отправились в город. Они решили закупиться: Славика были нужны сигареты, Женьку – зачем-то нож, а Артуру – новая одежда на выход.

Городской рынок встретил их какофонией звуков, запахом чебуреков и китайского пластика. Артур чувствовал себя плохо в толпе и едва сдерживал тревогу. Побродив между рядами, нашли палатку с мужской одеждой, ему пришлось пережить примерку джинсов, стоя

в носках на картонке за грязной шторкой, пока продавщица уверяла: «Сидит идеально, жених – не иначе!» В итоге гардероб пополнился чёрной курткой из кожзама, джинсами и зелёной фланелевой рубашкой в клетку.

Вернувшись в общагу, Артур первым делом расстегнул молнию чехла и извлёк на свет гитару – старую, местами исцарапанную акустику, обклеенную выцветшими стикерами. Покрутив колки, он на слух подстроил инструмент. Гитара отозвалась чистым, родным звуком. Проверив строй быстрым перебором, он пробежался пальцами по грифу. Руки помнили всё.

– Ого, ни фига себе! – восхитился Славик, дожевывая жирный рыночный чебурек и вытер пальцы о штаны. – Вот именно о таком соседе я и мечтал! Сам учился?

– Ну, можно сказать и так, – уклончиво ответил Артур, подтягивая капризную третью струну.

В памяти тут же всплыл его единственный «педагог». Эдуард. Стареющий панк с прокурным до хрипоты голосом и вечной плоской флягой во внутреннем кармане косухи. В бурную молодость он играл на басу в андеграундной группе «Мясорубка», а на пенсии давал частные уроки в сыром подвале дома культуры.

В объявлении, криво наклеенном на столбе, значилось многозначительное «У-роки музыки», и Артур тогда ожидал увидеть строгого интеллигента в очках. А встретил Эдика в остроносых казачках, от которого за версту разило портвейном «777».

«Главное не ноты, пацан, главное – драйв! Музыка должна бить в грудь, как кастет!» – любил повторять он, дирижируя початой бутылкой.

Те «У-роки» больше напоминали хаотичный джем, где дряхлые советские усилители фонили, а ученики пытались хоть как-то попасть в ритм, пока учитель предлагал сделать глоток «для вдохновения». Через полгода эту лавочку прикрыли возмущённые родители, но Артур уже втянулся.

Дальше он продолжил сам: стирал кончики пальцев в кровь, учил проклятое барре, подбирая риффы на слух, пытаясь найти в музыке то, чего не мог выразить словами. И даже разобрался в нотной грамоте.

Конечно же, рассказывать такую историю соседям было неловко: не поймут. Подумают, что он совсем отбитый.

– А слабай что-нибудь наше! – ворвался в его воспоминания густой бас Женька.

Артур вздрогнул, моментально вернувшись из подвала ДК в реальность общежития.

– Что именно? – настороженно уточнил он, прижимая струны к грифу.

– Ну там это... «Одуванчики»! «Дембеля»! Или хотя бы «Мурку»! Для души.

Артур мысленно закатил глаза. Ну конечно. Стоит достать гитару – всегда просят одно и то же.

Славик, заметив замешательство «музыканта» и его страдальческое лицо, решил спасти ситуацию:

– Да отстань ты от него! Артур, сыграй, что сам хочешь! Что тебе по кайфу.

Артур задумался. Из русского он знал несколько песен Виктора Цоя, «Короля и Шута» и множество матерных произведений из репертуара Эдика, которые в приличном обществе исполнять не стоило. Зато он любил переводить песни с английского, адаптируя их под себя.

– Хорошо, у меня есть одна песня на уме... – Артур запнулся. – Только, ребят, не смейтесь. Она... странная.

– Не будем, честно, – заверил его Славик, устраиваясь поудобнее на подушке. Женёк тоже перестал жевать и скрестил руки на груди.

Артур закрыл глаза, сделал глубокий вдох и коснулся струн. Гитара отозвалась чистым, немного меланхоличным перебором. Голос, поначалу тихий и дрожащий, становился всё увереннее, заполняя собой тесную комнату.

*Земной контроль – майору Тому.
Земной контроль – майору Тому.
Прими пилюли и накинь свой шлем.
Земной контроль – майору Тому.
Отсчёт начался – ключ на старт.
Проверь системы – и да Бог тебя хранит!*

Он пел о судьбе астронавта так, словно сам очутился там, в тесной кабине, отрезанный от мира бесконечной, звенящей пустотой, без возможности вернуться домой. Строчка про пилюли отозвалась личной болью.

Позволив финальному аккорду затихнуть, Артур открыл глаза. В комнате было тихо. Слышно было только гудение холодильника. Парни смотрели на него с неподдельным изумлением, совершенно забыв про еду.

– Вам не понравилось? – спросил Артур, чувствуя привычный укол разочарования.

«Ты посмотри на их рожки, идиот, они просто в восторге!» – после долгого молчания, внезапно заговорил Гон.

«Что, уже не обижаешься?»

«Я не злопамятный. Я просто злой, и память у меня хорошая!»

– Не понравилось? – переспросил Славик, чуть не подавившись. – Чувак, да это было круто! Мы просто не ожидали, что ты такой талантище! А что за песня?

– Это Дэвид Боуи. Space Oddity. Я просто перевёл текст, чтобы понятнее было.

– Красава, братишка! – искренне восхитился Женёк, подняв большой палец. – Реально за душу берёт.

– Ну... Я не то чтобы хорошо... – начал было мяться Артур, заливаясь краской, но договорить ему не дали.

Дверь резко распахнулась, с грохотом ударившись о стену. На пороге стоял пухлый парень в очках с толстенными стёклами, делавшими его глаза огромными и растерянными. В левой руке он сжимал надкусанный бутерброд с колбасой, а правой размахивал в воздухе, точно отбивался от невидимых пчёл.

– Хватит тут шуметь! – истерично завопил вошедший, брызгая слюной. – Я тут к контрольной по алгебре готовлюсь! Я всё слышу! Я Зое Михайловне расскажу обо всём! Тут невозможно сосредоточиться!

– Пшёл вон! – рявкнул Славик и, не глядя, запустил в дверной проём резиновым шлёпанцем.

Незванный гость проявил чудеса ловкости: увернулся от «снаряда» и мгновенно исчез, захлопнув дверь с той стороны. Тапка гулко ударилась о косяк и упала в коридоре.

– Ваня Левенгаупт, местный дятел, – пояснил Женёк, лениво поднимаясь, чтобы забрать тапочек. – Забей. Но он не один такой, тут стены картонные, слышимость дикая. Ты это, если поиграть нормально хочешь, лучше иди на улицу или в беседку за корпусом. Там никого нет и никто не ноет.

– Точно! – Славик щёлкнул пальцами, словно поймал идею за хвост. – Женёк, ты гений! Евгений удивлённо моргнул, не понимая, в чём именно заключается его гениальность: – А?

Славик ткнул пальцем в окно, указывая на деревянную беседку во дворе, а затем многозначительно произнёс:

– Давайте вечером там посидим! С гитарой!

– Подождите! – хотел было возразить Артур, чувствуя неладное.

– Я парней с качалки позову! – загорелся Славик, не слушая возражений. – Саня придёт, Димон...

– Я не...

– А потом забегу к девкам в общагу. – Он кивнул на соседнее здание. – Может, кто согласится с нами посидеть.

Артур живо представил эту картину: шумная компания, незнакомые люди, алкоголь, все смотрят на него, ждут песен... Это было хуже, чем пытка.

– Погодите...

«А эта идея мне нравится. Посиделки, гитара, девочки... Соглашайся, дубина!»

– Так, стоп! – заорал Артур, перекрывая энтузиазм соседа. Славик наконец умолк, удивлённо глядя на него. – Кажется, ты забыл меня спросить, хочу ли я во всём этом участвовать.

Славик хитро прищурился. На его лице расплылась широкая улыбка Чеширского Кота. Он знал, куда бить.

– А ещё... – протянул он вкрадчиво, – я перед этим забегу в медпункт. Скажу, что голова болит. И совершенно случайно, так, чтобы все слышали, громко ляпну медсестре, что мы вечером собираемся в беседке петь песни.

«Ах ты маленький мерзавец!» – воскрился Гон. – **«Это мат в два хода. Соглашайся, Артур! Живо!»**

Артур открыл рот, чтобы послать Славика к чёрту вместе с его планами, но понял, что попался. Крючок был заглочен глубоко.

– Ты... – выдохнул он, признавая поражение. – Ладно. Только ничего грандиозного, хорошо? Просто посидим.

– Конечно! Просто посидим! – просиял Славик. – Завтра. После восьми.

– А сейчас чем займёмся? – спросил Женёк, допив остывший чай.

– Ну ты что, забыл? Сегодня же футбол! – Славик подмигнул Артуру. – С нами пойдёшь?

– У меня освобождение...

– Да харэ прикидываться! Мы же не играть зовём, а болеть! Пошли, проветришься! А то скиснешь тут.

Сделав глубокий вдох, Артур поднялся с койки.

– Ладно. Пошли. Но я только посижу там, хорошо?

Стадион находился всего в паре минут ходьбы. И снова контраст с обшарпанным общезжитием был разительным: ухоженное поле с ярко-зелёным искусственным покрытием, современные ворота с белоснежными сетками, вокруг – крытые трибуны с пластиковыми сиденьями.

Народу собралось прилично. Кто-то уже разминался на поле, но большинство просто сидели на трибунах, грызли семечки и лениво обсуждали жизнь, наслаждаясь тёплым вечером.

Артур встал у бровки, наблюдая, как Славик делает растяжку. Женёк уже яростно спорил с каким-то парнем о составе команд, колотя себя кулаком в грудь:

– Я в нападении, а Славян – в защите! Мимо него и мышь не проскочит!

– А этот шкет кто такой? – хмыкнул кто-то с поля, кивнув на Артура в его совсем не спортивной одежде.

Артур собрался возразить, что он просто зритель, но Славик опередил:

– А это наш секретный козырь! Запасной вратарь!

– Ну ладно, лучше такой, чем никакого в запасе.

Игра началась. Сначала Артур просто сидел на скамейке, положив рядом новую куртку, и наблюдал. Парни не на шутку разгорячились, рубясь так, словно на кону стоял кубок Лиги Чемпионов. Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая поле в оранжевые тона.

Через двадцать минут Артуру всё же пришлось вступить в игру: основной вратарь неудачно подвернул ногу.

– Твой выход, братан! – крикнул Женёк.

Артур вздохнул, закатал рукава новой клетчатой рубашки и встал в рамку. Честно говоря, ему даже понравилось. Приятно было просто двигаться, следить за мячом, забыв обо всём на свете.

Мяч летел в разные стороны. Славик и правда не давал другой команде и шанса, шустро отражая мяч, и игра шла преимущественно у других ворот. Но один раз прорвали и их оборону.

Нападающий соперника вышел один на один и мощно пробил в угол. Удар был хороший, но Артур среагировал инстинктивно – прыгнул, вытянув руки. Ладони обожгло, словно огнём, ушибленное вчера тело отозвалось тупой болью при падении, но мяч отскочил от его рук и ушёл на угловой.

– Я же сказал! – триумфально заорал Славик, хлопая в ладоши. – Козырь!

Артур поднялся, отряхнул джинсы и вытер пот со лба. Едкий запах нагретой солнцем резины, глухой стук мяча, сбитое дыхание, адреналин – всё это создавало пьянящее ощущение, будто он действительно принадлежал этому месту. Будто он был своим.

К сумеркам все разошлись. Артур, смертельно уставший, но каким-то образом удовлетворённый, плёлся обратно в общагу, чуть отстав от новых друзей. Внезапно голос в голове нарушил молчание:

«Друзья. Х-ха!»

«Отстань».

«Просто интересно. Ты их знаешь один день. Славик тебя уже дважды прогнул – с посиделками и с вратарём. Но этот-то ладно. Ты на качка погляди! Он тебя убить был готов, судя по виду! И сделает это, если будешь у него на пути!»

Артур не ответил. Реальность за стеной стала чуть тише.

«Я просто говорю: не торопись с выводами. Доверяй, но проверяй!».

Во время диалогов с Гоном реальность словно отступала за невидимую звукоизолирующую стену. Но стоило Артуру вынырнуть из подсознания, как звуки мира обрушились обратно. И правда, из приоткрытого окна здания напротив стадиона доносилась приглушённая мелодия. Рояль?

Парней уже не было видно: увлечшись спором, они ушли вперёд и потеряли Артура в темноте.

Заинтригованный, он перемахнул через невысокий бетонный заборчик и подошёл к боковому входу. Дверь оказалась не заперта. Внутри пахло вековой пылью. Актёрский зал с рядами пустых кресел тонул в вязком полумраке. Лишь на сцене, в мертвенно-бледном пятне лунного света, падавшего из огромного окна, чернел концертный рояль с поднятой крышкой.

Фигура за инструментом отбрасывала тень прямо на экран за занавесом. Музыка разрывала тишину в клочья. Артур сразу узнал произведение. «Лунная соната». Но не та, первая, медленная и печальная, которую не знает разве что с рождения глухой. Нет. Это был финал – третья часть. **Presto agitato**. Искра. Буря.

А потом он узнал исполнителя. Это была Рита. Те самые руки, которые ещё вчера ломали носы и выбивали челюсти, сейчас творили нечто невероятное. Пальцы прыгали по клавишам с нечеловеческой скоростью, взлетая над октавами. Это был дикий, страстный танец, полный ярости и чернейшего отчаяния.

Заворожённый, Артур бесшумно прокрался в зал и опустился в мягкое кресло в тени последнего ряда. Казалось, она не играет, а сражается с инструментом, выплёскивая в музыку всё то, что сжигало её изнутри. Боль, одиночество, злость на весь мир. И на себя.

«Я и не думал, что её это интересует...»

«Уверен, она подумает то же самое про тебя, когда узнает про старину Эдуарда и его портвейн». – хмыкнул Гон.

Артур слушал затаив дыхание. В душе он всегда мечтал играть именно так. Гитара могла многое, но этот рояль сейчас казался объятый пламенем. Рита исполняла грязно, с ошибками, промахиваясь мимо нот, но с такой бешеной эмоцией, что Бетховен был бы в шоке.

Аккорды звучали всё громче, всё яростнее, словно пианистка хотела разбить клавиши в щепки. Но, не доиграв до финального пассажа, она вдруг резко, со всего размаха захлопнула тяжёлую крышку.

Бам-м-м-м!

Рояль жалобно, утробно загудел, эхо выстрелом разнеслось по пустому залу. Рита упала грудью на лакированную поверхность, закрыла голову руками и замерла. Её плечи судорожно вздрагивали. Раздались всхлипы.

«Если не хочешь умереть, уходи отсюда, – впервые без тени сарказма посоветовал Гон. – Только тихо, а не как всегда».

Артур кивнул сам себе и начал медленно вставать. Осторожно, стараясь не скрипнуть половицей, шаг назад...

И тут случилось страшное.

Словно издеваясь над моментом высокой грусти, мёртвую тишину разорвала громкая, бестактная, идиотски-жизнерадостная мелодия его мобильного.

«Мрак!»

Артур судорожно вцепился в карман, пытаясь нащупать телефон и сбросить звонок, но пальцы не слушались, запутавшись в подкладке. Он в панике отступил, споткнулся о ножку кресла и едва не упал в проходе, производя шума больше, чем стадо слонов.

Рита резко вскинула голову. В луче мертвенного света она выглядела жутко – как призрак оперы. Тушь стекла по щекам чёрными ручьями, превратив лицо в жутковатую маску. Секунду она смотрела на него с непониманием, часто моргая. А потом её лицо исказила гримаса чистого, неразбавленного отвращения.

– Всё заснял? – тихо поинтересовалась она, отведя взгляд в сторону и рукавом вытирая слёзы.

– Я... я ничего не снимал, я просто шёл мимо и услышал музыку, – промямлил Артур.

Он ожидал, что она встанет и закричит, швырнёт в него пюпитр, но вместо этого – молчание, прерываемое шмыганьем. А потом – лишь короткое:

– Уходи.

«Давай, сваливаем, пока она добрая! Или пока не нашла, чем в тебя кинуть потяжелее», – скомандовал Гон.

Артур хотел попросить прощения, сказать, как потрясающе она играла, попытаться объяснить, что он не шпионил...

Но под её уничтожающим взглядом он лишь прикусил язык. Слова застряли в горле комом. Сгорая от стыда, он развернулся и, спотыкаясь на ватных ногах, позорно бежал из актового зала, так и не сказав ни слова.

Уже на улице, отдышавшись за углом корпуса, он наткнулся на Славика и Женьку.

– О, вот ты где! – обрадовался Славик, убирая телефон в карман. – А я тебе только что звонил. Ты куда пропал-то? Мы обернулись – а тебя нет.

– Да я... – Артур лихорадочно соображал, пряча дрожащие руки в карманы куртки. Сердце ритмично стучало. – Решил остановиться, дух перевести.

– А чего трубку сбросил? – не унимался Славик.

– Случайно, – соврал Артур. – В кармане, наверное, нажалось, я даже звонка не слышал. Задумался.

– Бывает, – легко поверил Славик. – Ну, идём? А то комары сожрут.

В эту ночь сон совсем не шёл. Артур ворочался на жёсткой казённой простыне, слушая мерный храп Женька и глядя в белёный потолок. Зато в голове было шумно – там бодрствовал рассерженный Гон.

«Ну ты и придурок».

«Отстань от меня. Я сам знаю, как это выглядело со стороны», – мысленно огрызнулся Артур.

«Как можно было так облажаться? На любом концерте, при любом дельце, которое подразумевает тишину, телефон ставят на беззвучный. Ты дурак?»

«Ты прекрасно знаешь, что на концерты я не ходил. И шпионить я не учился».

«Это мало тебя оправдывает. Теперь она считает тебя не только гнусом, но ещё и маньяком, который её преследует! Поздравляю, уровень „дно“ пробит».

Артур не ответил. Ему нечего было возразить. Время подходило к двум. Артур перевёл тяжёлый взгляд на соседнее здание. На втором этаже медпункта погас свет.

Глава 6. Щенок

Воскресное утро прошло в полудрёме. Если в субботу Артур успел пообедать с ребятами в городе, а про ужин благополучно забыл из-за событий на стадионе и в актовом зале, то воскресенье началось с требовательного урчания в животе.

Гон проснулся в скверном настроении и тут же начал жаловаться на критический недостаток энергии. Растормошив спящего Женька, Артур выяснил, что недалеко от общежитий, напротив учебного корпуса, работает столовая.

Как оказалось, самая обычная, застрявшая где-то в восьмидесятых. Внутри пахло варёной капустой и чем-то подгоревшим. Посетителей почти не было. Раздача уже опустела: видимо, Артур подошёл к самому закрытию завтрака. Он взял липкий пластиковый поднос и двинулся вдоль раздачи. Наложил себе остывающей, слипшейся комком гречки, плеснул половником остатки сероватой подливки и взял стакан компота из сухофруктов.

Усевшись за самый дальний стол, подальше от лишних глаз, он принялся за еду без особого аппетита. Неподалёку расположился тот недружелюбный сосед Ваня. Он даже не подошёл к раздаче – вместо этого развернул на столе принесённый с собой гигантский бутерброд в фольге.

«Вот это аппетит! Кстати, ты забыл про меня, – напомнил о себе голос. – Мне нужна глюкоза. Много глюкозы. Иначе я начну жрать твои мозги. Мне бы этого не хотелось, хоть вариант и соблазнительный».

«Но там нет ничего сладкого!» – возразил Артур, ковыряя вилкой гречку.

Его взгляд против воли переместился на стеклянную сахарницу в центре стола.

«Нет!»

«Да!»

Артур тяжело вздохнул и встал. Вернувшись к раздаче, он налил в пустую кружку остатки холодного чая из огромной алюминиевой кастрюли и вернулся на место.

Рука дрогнула, но подчинилась чужой воле. Половина содержимого сахарницы, шурша, перекочевала в кружку. Жидкость мгновенно помутнела, превращаясь в сироп.

«Столько хватает?»

«Маловато. Но для старта пойдёт».

«У меня начнётся диабет!»

«Глюкоза нужна мне, а не тебе. Пей».

Зажмурившись и подавив рвотный позыв, Артур залпом проглотил тошнотворно сладкую, вязкую жижу.

– Привет, Артур! Можно я к тебе подсяду? – раздался над ухом знакомый голосок, такой же приторный, как чай в кружке Артура.

Он поднял глаза и увидел Катю. На её подносе громоздились две тарелки манной каши, какой-то салат, стакан компота и гора хлеба. Она что, собралась съесть всё это в одиночку?

Не дожидаясь ответа, девушка плюхнулась на стул рядом.

– Диету соблюдаю, – пояснила она, щедро, ложка за ложкой, осыпая кашу из своей сахарницы. И, как обычно, тут же затараторила: – Мне много есть нельзя, тренер сказал исключить жирное, копчёное, сладкое, а также медленные углеводы. Странный такой! Я думаю, он просто панику наводит! Понимаю, я немножечко увлекаюсь, но ведь все калории тут же сжигаются! Все говорят, что я быстрая, но знаешь, если бы спросили меня, я бы не стала отрицать, но, как по мне, это другие все о-о-о-очень медленные! А как без тортика вечером? Это недопустимо! Так нельзя! Нельзя-нельзя!

И, скорчив смешную рожицу, ударила ложкой по столу.

«Что за чепуху она несёт? Какая диета? Какие, к чёрту, медленные углеводы? Ты её поднос видишь? Спроси, что ей надо. У нас от её трескотни уже мигрень начинается».

– Ты что-то хотела? – перебил её поток сознания Артур, потирая висок.

– Я слышала, что ты... Ну, то есть, в самом деле, не совсем ты, а эти твои приятели... Как их там? Ну ты понял, мелкий и тот, большой... В общем, вы решили устроить концерт в беседке! И звездой на нём будешь ты! Это правда?

«Издали заходит».

– Я пока не... то есть да. Наверное, – неуверенно ответил парень, поправляя сползшие очки.

– Ой, как круто! А играть сложно? Я сама как-то пыталась научиться, но эти струны – они такие жёсткие! Фу! А у меня такие нежные пальчики. – Она продемонстрировала тонкую ручку с маникюром ядовито-жёлтого цвета. – Кстати, как тебе мой лак? Я полчаса выбирала! Реально, это так сложно – подобрать правильный оттенок под настроение!

Пока Артур думал, что сказать, она набросилась на кашу с пугающим энтузиазмом.

– Ты хочешь прийти послушать? – уточнил он. – Так вход открытый. Приглашены все.

– Жнаю, тут такое дело, понимаешь... – с набитым ртом заговорила Катя, смешно раздувая щёки, как хомяк, – на шамом джеле я не пжощто так тут, а шобы шкажать тебе кое-што ошень важж'ое. Шобы ты понимал, мне надо жнать, што об этом подумаешь ты.

Она отставила пустую тарелку, тут же придвинула вторую и потянулась к сахарнице.

– Что такое?

Вместо ответа Катя, загадочно улыбаясь, достала из сумочки розовый телефон-раскладушку со стразами и поманила Артура пальчиком.

«Не нравится мне её активность. Чую подставу. Я бы на твоём месте просто встал и ушёл», – насторожился Гон.

Артур подсел ближе к старосте. Та, загадочно улыбаясь, развернула к нему экран.

Увиденное заставило сердце Артура провалиться куда-то в район желудка, где уже плескался приторный чай.

На фотографии была Рита в вечернем платье и с красивой причёской. Похоже, в стельку пьяная – нелепо улыбающаяся и с полузакрытыми глазами. На фоне виднелась голубоватая вода бассейна. Одной рукой она держала бокал, а другой – нежно, по-хозяйски обнимала парня за шею.

Это был Максим.

Только совсем иной. С длинными, почти до плеч волосами. И в очках. Почти таких же, как у Артура.

– Пжосто мне хотелошь тебе показать, – продолжая поглощать кашу, заговорила Катя, – штобы у тебя не было илюжий нащёт того, што пжоишходит. Тебе не кажетша, что тут што-то не так?

– Так, – сказал Артур, резко поднявшись из-за стола. Стул с противным скрежетом проехал по полу. – Не знаю, зачем ты мне это показала, но почему тебе кажется, что это должно меня волновать?

«И даже без моей подсказки. Надо же. Bravo. Хлоп-хлоп-хлоп!» – саркастично «аплодировал» Гон. – **«Я бы похлопал по-настоящему, но, видишь, какое дело, рук-то у меня нет!»**

Личико Екатерины стало ещё милее, хотя, казалось, куда уж больше. Она аккуратно вытерла губы салфеткой, отхлебнула компот и произнесла, отодвинув в сторону идеально чисто вылизанную тарелку:

– Ой, а что, она не рассказывала тебе ничего? Я так не люблю сплетни, просто думала, что лучше будет показать, чем рассказать. Ты ведь обязан знать правду, даже если её от тебя скрывают! Это хуже, чем самое настоящее, неприкрытое, наглое враньё!

«Проклятье, а ведь она говорит правду, – вдруг задумчиво произнёс Гон. – Я это чувствую. Ну или ту часть правды, которая ей удобна».

«Я знаю их обоих всего один день. Какое мне должно быть до этого дело?» – попытался отгородиться Артур.

Но перед глазами всё ещё стояло фото. Рита и «козёл»-очкарик. Вместе.

– Слушай, мне нужно идти, – бросил Артур, почувствовав, как в горле возник ком. – Выступление будет в восемь.

Девушка поправила идеальный локон и прощбетала ему в спину:

– Всенепременно буду ждать этого часа, Артур!

А потом принялась за салат.

Артур шёл по едва освещённой, разбитой корнями деревьев, асфальтовой дорожке. Гитара в чехле за спиной казалась непривычно тяжёлой.

Встретиться было решено в старой беседке за школой – там, где старшекласники обычно курили после отбоя. Срезав путь через колючие заросли кустарника, Артур вышел на небольшую бетонированную площадку. Когда-то, в прошлой жизни, пионеры разжигали здесь прощальный костёр, закрывая смену.

Сама беседка была частью того, что уцелело от прежних времён – жестяная крыша местами проржавела насквозь, синяя краска осыпалась струпьями, но постройка стояла крепко, как дот.

Неподалёку, словно призраки социализма, в темноте белели две выщербленные гипсовые статуи – пионера и пионерки. Первый балансировал на ржавом куске арматуры, торчащем из бедра вместо ноги. У второй отсутствовала правая рука – судя по обломку у плеча, она когда-то отдавала салют или держала знамя. Наверное, даже в идеальном состоянии эти двое вдохновляли детей на страшные истории о «Чёрной Руке» или «Гробе на колёсиках». Сейчас же, в полумраке, искалеченная пара выглядела особенно жутко.

Скоро начали подтягиваться остальные.

Славик явно старался заманить побольше народу, в первую очередь женского пола, но с последним получилось не очень – пришли всего две девушки. Первая, маленькая, коротко стриженная и стеснительная, явилась в строгой школьной форме. Вторая – весёлая, пухловатая блондинка с копной кудрявых волос, была одета в модный джинсовый костюм. Хоть они и выглядели как чёрное и белое, но держались вместе, явно подруги.

Артур почти никого не знал. Не считая Славика и Жени, он увидел пару крепких ребят из качалки.

Также присутствовал и Ваня – тот самый сосед-«дятел», возмущавшийся вчерашним шумом. Хоть он и ненавидел музыку, но его безошибочно приманила халявная еда. Он уже оккупировал край скамейки и с хрустом уничтожал пачку чипсов, купленную Славиком.

Впрочем, невинными эти посиделки можно было назвать лишь с натяжкой. Кто-то уже разливал по пластиковым стаканчикам принесённое пиво из пузатых баклажек, кто-то закурил, пуская сизый дым в проржавевший потолок беседки.

«Мне нужна глюкоза! Срочно», – капризно потребовал Гон.

Артур, повинувшись импульсу, схватил со стола какой-то шоколадный батончик, быстро сорвал обёртку и откусил половину.

«Все эти люди... Они пришли на меня посмотреть?» – с тревогой подумал он, оглядывая разношёрстную компанию.

«Не лъсти себе. Они все тут лишь с одной целью».

«С какой?»

«Убить чудовищную, серую скуку. Посмотреть на шоу. Ну или на клоуна. Тут уж зависит только от тебя. Поверь, ты как личность им пока абсолютно не интересен. Волнуешься?»

«Зачем ты спрашиваешь, если и так знаешь ответ?» – огрызнулся Артур, чувствуя, как страх подбирается к горлу.

«Меня интересует другое. – Гон выдержал театральную паузу. – Давай ближе к делу. Хочешь ли ты выступить сам? По-настоящему. Не прибегая к моей помощи?»

Артур замер с недоеденным батончиком в руке.

Он представил, как выходит в центр, как забывает аккорды, как дрожит голос, как все начинают смеяться...

Ответ был горьким, как дешёвый табак, витавший в воздухе: *«Мне стыдно это признавать... но без тебя я полный ноль».*

«Ты не прав. – В голосе Гона проскользнуло что-то странное, похожее на снисхождение. – Но так и быть. Сегодня я буду твоим суфлёром».

– Артур!

Словно из-под земли перед ним выросла Катя. Сегодня она сменила форму на камуфляж: объёмная чёрная толстовка с капюшоном и тёмные джинсы. В этой одежде она выглядела иначе. Не как приметная староста класса, а словно воровка или героиня детективного сериала, следящая за неверным мужем.

– А... Э-э-э, привет! – Артур улыбнулся, мгновенно залившись краской. – Что ты тут делаешь?

Катя бесцеремонно схватила его за руку и тут же затараторила, не давая вставить слово:

– Этот твой сосед по комнате, Славик, да? Такой настойчивый, ужас! Всех девчонок в блоке обошёл. Я в это время как раз супчик готовила, слышу – ломится кто-то! Я перепугалась, схватила **ножик**, думала, маньяк какой или грабитель! Открываю, замахваюсь... Хорошо, что он увернулся, а то был бы у тебя сосед без уха! Представляешь? Кровищи было бы!

Она хихикнула, словно рассказывала забавный анекдот.

– В общем, он позвал меня и Настю (это староста класса «бета», она в соседней комнате живёт). Настя отказалась, зануда такая, но я решила прийти. Потому что я хотела тебя... Точнее, я хотела проконтролировать, чтобы никто тут не напился и не творил всякие непотребства! Кто-то же должен нести ответственность, верно? А вдруг что произойдёт? Это же будет пятно на всём лице! Тебе бы такого хотелось? Мне вот нет! Ни капельки! Нужен контроль!

«Ей самой нужен контроль. Желательно психиатрический», – сухо заметил Гон.

– Ну... хорошо... я рад, что ты пришла... – сказал Артур, почёсывая щёку.

Катя просияла и улыбнулась так лучезарно, что у Артура на секунду перехватило дыхание. Какая же она всё-таки милашка! Глядя на эти ямочки на щеках, даже не хотелось вспоминать прошлую встречу с компроматом и интригами.

Артур украдкой огляделся, ища глазами ещё один силуэт. Рита могла прийти – Славик наверняка звал и её, раз обошёл всех.

Но нет. Её не было.

«А ты на что надеялся?» – тут же отозвался внутренний голос. – **«Что после такого грандиозного провала она прибежит послушать, как ты мурлычешь под гитарку? После того, как ты её обидел?»**

«Ты ведь знаешь, что я не хотел. Я не обижал».

«Так ли это важно? Весомо только то, как это выглядит со стороны, чудик-преследователь!».

– Ну что, начинаем? – прервал его самокопание Славик, галантным жестом протягивая Екатерине пластиковый стаканчик. – Миледи.

Артур вздохнул, взял гитару и присел на край шаткого стола в центре беседки. Тусклый свет единственного уличного фонаря пробивался сквозь проржавевшие дыры в крыше, создавая на досках и лицах людей причудливые, дрожащие пятна.

«Нужно сказать что-то для начала».

«Что?»

«Да любую чушь! Поприветствуй. Главное, уверенно и от души!»

Разговоры стихли. Собравшиеся повернули головы к нему. Все ждали.

Как ни странно, того самого панического чувства тревоги, от которого обычно леденели пальцы и перехватывало дыхание, не было. Гон сдержал слово. Осталось лишь тягучее, вязкое ощущение неловкости – то чувство, когда десяток пар глаз смотрят на тебя в упор, ожидая чуда.

– Всем привет, – начал Артур, слегка покраснев, но стараясь держать голос ровно. – Я... я не думал, что буду сидеть здесь и что-то говорить. Но раз уж так получилось... – Он сделал паузу, нервно поправил ремень гитары. – Я не профессионал. И музыка для меня – это просто способ... ну, вы понимаете. Выразить то, что словами не получается.

– Ха-ха! Ты посмотри на этого артиста! Он же... – громко загоготал Ваня, рассыпая крошки.

Договорить он не успел: Женёк молча приставил к его носу огромный кулак. Ваня поперхнулся смешком и мгновенно затих, вжавшись в скамейку.

«Забей на этого придурка. Он просто фон. Продолжай», – скомандовал Гон.

– В общем, я просто хочу сыграть несколько песен, – сказал слушателям Артур, сделав вид, что не заметил выпада. – Может, кто-то знает слова и подпоёт. А может, и нет – тоже нормально. Главное, что мы тут все вместе собрались, и это... это уже хорошо. Даже если я буду фальшивить, – он криво усмехнулся, – не бейте меня сильно.

Артур быстро глянул на собравшихся.

– Ладно, поехали.

Он глубоко вдохнул и ударил по струнам, задавая знакомый всем жёсткий ритм.

Вместо тепла – зелень стекла,

Вместо огня – дым!

Из сетки календаря выхвачен день!

В тесной, полутёмной беседке голос звучал по-особенному – не растворялся в ночном пространстве, а будто отражался от стен и обнимал каждого. Ребята сначала слушали молча, но магия ритма делала своё дело. Вскоре они начали тихо подхватывать знакомые строчки. Даже суровые немногословные качки из спортзала, переглянувшись, набрали воздуха в грудь.

– Перемен! – грянули все разом на припеве, пугая ночных птиц.

Артур почувствовал, как напряжение окончательно отпускает его, растворяясь в общем хоре.

Эту песню он выучил одной из первых. Сейчас аккорды выстраивались сами собой.

Может, и с остальным в жизни так будет? Сначала кажется невозможным, больно и страшно, а потом вдруг... получается?

Ты открывал ночь,

Всё, что могли позволить.

Маски срывал прочь,

Душу держал в неволе.

Пусть на щеке кровь,

Ты свалишь на помаду...

Артур не знал, откуда эти строки, мелодия просто гуляла по памяти телефонов. Наверное, Рита бы оценила.

– Ну как он тебе? – никого не стесняясь, громко спросила блондинка свою чёрненькую подругу.

– Мощь! – подумав, что это ему, отозвался кто-то из качков.

Артур снова украдкой, не прерывая игры, глянул в сторону тропинки. Может, Рита ещё придёт? Может, передумает?

«Хорош башкой вертеть! Фальшивить начал!» – одёрнул Гон.

Артур кивнул сам себе и начал перебор.

Пластмассовый мир победил,

Макет оказался сильней.

Последний кораблик остыл.

Последний фонарик устал.

А в горле сопят комья воспоминаний...

– О-о-о-о-о-о! – грянул нестройный, но мощный хор. – Моя оборона! – подхватили ребята, перекрикивая гитару.

Пот выступил на лбу, очки начали сползать. Странно, даже когда приходилось нервничать на контрольных или отвечать у доски перед строгим учителем, он не чувствовал такого напряжения. Это был чистый адреналин. Здесь, среди почти незнакомых лиц, в тесной беседке, сердце колотилось как бешеное, разгоняя кровь. Он чувствовал себя живым.

Репертуар подходил к концу. Ребята уже заметно расслабились – кто-то допил пиво и был немного пьян, кто-то неторопливо курил, пуская кольца дыма. Катя, хоть и грозила, что будет всё строго контролировать, вообще никак не реагировала на нарушения режима. Казалось, она сама наслаждалась моментом, забыв о роли старосты.

Артур взял последний аккорд, заглушил струны ладонью и отложил гитару. Руки слегка дрожали. Не от страха – от перенапряжения и какого-то непонятного, тёплого волнения в груди.

Всё это время он старался не думать о том, как его воспринимают. Но теперь, когда музыка стихла, мысли нахлынули волной. А вдруг они думают, что он выпендривается? Что пытается казаться крутым?

– Ну что ж, – сказал Артур, откашлявшись в кулак, чтобы прочистить севшее горло. – На этом, наверное, всё. Спасибо, что высидели. Я старался.

– Да ладно тебе, не прибедняйся, – отозвался кто-то из ребят. – Нормально играешь. Давай ещё чего-нибудь!

– Да, давай ещё! – с энтузиазмом поддержала Катя, хлопая в ладоши.

Артур улыбнулся, чувствуя, как щёки горят огнём – то ли от смущения, то ли от удовольствия.

– Может, в другой раз. Уже поздно, пальцы с непривычки болят. – Он обвёл взглядом беседку, стараясь запомнить этот момент. – Но если честно... это было классно. Спасибо, что пришли. И что не смеялись над моими косяками.

– Да какие косяки? – хмыкнул Женёк. – Играл же ровно! Ништяк!

Артур кивнул. Ему хотелось сказать что-то умное, пафосное, вроде: «Верьте в себя, даже если страшно». Но он вовремя прикусил язык. Вместо этого он просто подумал: «Я теперь

знаю ответ. Стоит. Даже если страшно до дрожи в коленях. Даже если не уверен в результате. Всё равно стоит попробовать».

Но, несмотря на триумф, внутри всё равно было пусто. Звеняще пусто. Не от выступления – оно прошло лучше, чем он мог мечтать. А оттого, что Рита так и не пришла. Хотя он до последней секунды, украдкой косясь на тропинку, надеялся увидеть её силуэт.

Собравшиеся начали нехотя расходиться. Кто-то подходил и хлопал Артура по плечу, кто-то просто кивал с улыбкой, кто-то докуривал на ходу.

– Спасибо за внимание. С вами был Артур Комаров! – сказал он им вслед.

«И его наставник», – тут же, не удержавшись, добавил Гон.

Он едва успел убрать инструмент в чехол и застегнуть молнию, когда к нему бесшумно подошла Катя. Чёрный капюшон был накинут на голову, скрывая лицо в тени.

«Опять эта рыжуха? Что ей тут нужно? Слушай, у меня уже на неё аллергия! Дам тебе совет: что бы она ни говорила – не слушай!» – напрягся Гон.

– Артур! Артур! – восторженно зашептала она, откинув капюшон. – Я и не знала, что ты такой талантище! У тебя так круто получилось, здорово поёшь! Ты учился где-то или самородок?

– Ты чего-то хотела? – настороженно поинтересовался Артур, сделав шаг назад.

– Такой странный! Конечно, хотела! Я хотела извиниться... – Она опустила глаза и начала теревить шнурок толстовки. – Ну ты понимаешь, за то, что произошло утром в столовой. Ты просто с таким лицом ушёл, я подумала, что, может быть, я обидела тебя чем-то. Я правда не хотела обидеть, я лишь хотела предостеречь, ведь абсолютно всякое может случиться, застрахованных нет! Но я посидела, подумала, ты, наверное, совсем всё не так понял, обиделся, а мне очень-очень грустненько, когда кто-то на меня обижается, я бы совсем-совсем не хотела кого-то обидеть! И... В общем, прости меня, пожалуйста. Мне не стоило так резко показывать тебе правду, хотя, всё возможно, наверное, ты не понял и сделал неверные выводы. Извини меня, пожалуйста!

«Извиниться. Да-да. Охотно верю, – ядовито прокомментировал Гон. – Это какая-то новая ловушка. Зуб даю: что-то тут нечисто».

«У тебя нет зубов».

«Тут нет ничего твоего. Только наше!»

Она подошла ближе, взяла парня за руку и сделала самое жалобное лицо на свете – прямо как кот из одного известного мультфильма.

– Да я... я и не обижался, – пробормотал в ответ Артур, чувствуя, как решимость тает.

Широко улынувшись, девушка тут же предложила:

– Не хочешь немного погулять со мной перед сном? Тут недалеко, по аллее.

«Не соглашайся, балбес. Беги!»

– Погулять?.. – повторил Артур, задумавшись.

Вообще, прогулка с такой красавицей, которая держит тебя за руку и смотрит с восхищением, была чертовски неплохой идеей.

– Ну хорошо. Только недолго.

«Ты неисправим. Ты не дружишь с головой».

«Отвали! Она просто хочет извиниться».

«Баран. Не говори потом, что я не предупредил».

Катя уверенно повела Артура через старые арочные ворота в сторону пруда, продолжая крепко держать за руку. Её ладонь была горячей и сухой.

– Я хотела показать тебе сад. Днём здесь скучно, но скоро тут всё станет такое золотое и красивое! Осень – это моё любимое время года, мне очень нравится оранжевый цвет. А ещё я люблю апельсины. Они напоминают мне маленькие солнышки!

– Но сейчас ничего не видно, – резонно возразил Артур, когда они переходили через горбатый мостик.

Внизу, в чернильно-тёмной воде, плясали отражения половины луны и редких окон общежития. Ветер шумел в кронах деревьев, заглушая далёкие голоса. Где-то в траве надрылся хор сверчков.

– Смотри, вот тут достаточно светло! – Катя вдруг остановилась и потянула его к одиночному фонарю рядом с небольшой заасфальтированной площадкой. – Ой, как хорошо светит! Достаточно, чтобы я могла... мы могли тут постоять!

Вечерний воздух был прохладным, но Артур ощущал жар. Катя, загадочно улыбаясь, наконец выпустила его руку и достала из сумочки розовый телефон-раскладушку.

– Извини, одну секундочку, – прошептала она, быстро набирая сообщение длинным ногтем. Клавиши тихо щёлкали. – Подружка беспокоится, где я. Надо успокоить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.